

Девушка в башне

Автор:

[Кэтрин Арден](#)

Девушка в башне

Кэтрин Арден

Зимняя Ночь #2 Кэтрин Арден. Мировой бестселлер

После спасения родного Лесного Края от армии Медведя юная Василиса понимает: испуганные люди считают ее ведьмой, а значит, дома оставаться нельзя. Желая избежать нежеланного замужества, пострига в монахини или еще более худшей судьбы, она переодевается юношей и в компании верного Соловья отправляется в странствия по свету.

Но ее планы меняются, когда они набредают на разоренную разбойниками деревню. Спонтанное желание выследить злодеев и сопутствующая удача приводят Василису к знакомству с Великим князем Московским Дмитрием Ивановичем, восхищенным смелостью «юноши». В не меньшем потрясении и близкий друг князя, монах Александр Пересвет, в миру – брат Васи. Желая избежать скандала и непоправимых последствий для всей семьи, Саша не раскрывает тайну сестры и представляет ее своим братом, Василием Петровичем.

Но внезапно Москва оказалась в центре не только политических интриг Золотой Орды, но и противостояния куда более древних и могущественных сил...

Кэтрин Арден

Девушка в башне

Папе и Бэт с любовью и благодарностью

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

А.С. Пушкин

Katherine Arden

THE GIRL IN THE TOWER

Copyright © 2018 by Katherine Arden

Jacket design: David G. Stevenson

Jacket illustration: © Robert Hunt

© Ю. Гиматова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Темной ночью девушка мчалась на гнедом коне по лесу. У этого леса не было названия. Он простирался вдалеке от Москвы – вдалеке от всего мира, и единственным звуком было молчание снега и треск застывших деревьев.

Была почти полночь – зловещий волшебный час. Путникам угрожали снег, буря и бездонное, безликое небо. Но девушка упорно ехала на своем жеребце сквозь лес.

Лед покрывал шерсть на морде коня, снег облепил бока. Но глаза под заснеженной челкой были добрыми, и конь радостно поводил ушами.

Их следы тянулись в глубь леса, и свежий снег прятал их.

Внезапно конь остановился и поднял голову. Среди деревьев, звенящих на морозе, показался ельник. Пушистые ветки переплетались, стволы елей согнулись, как спины стариков.

Снегопад усилился. Снежинки попадали в глаза девушки и залетали в серый мех ее капюшона. Абсолютную тишину нарушал лишь свист ветра.

– Я ничего не вижу, – сказала девушка коню.

Жеребец повел ухом и отряхнулся от снега.

– Может, его нет дома, – неуверенно добавила девушка. Ее шепот будто заполнял тьму под елями.

Но стоило ей произнести это, как в ельнике с громким треском распахнулась потайная дверь. Вспышка света окрасила сияющий снег кроваво-красным, и среди елей появился дом. Над деревянными стенами нависали длинные изогнутые карнизы, и в отблесках пламени дом словно дышал, притаившись в чаще.

В дверях показалась мужская фигура. Конь насторожил уши, девушка замерла.

– Заходи, Вася, – сказал мужчина. – Холодно.

Часть I

1

Смерть Снегурочки

Миновала середина зимы, и в Москве дым десяти тысяч очагов поднимался в темное небо. На западе было светло, но на востоке, на закатном небе собирались темные облака, полные снега.

Две реки разрезали русский лес, и Москва лежала на их пересечении, на вершине соснового холма. Ее приземистые белые стены скрывали за собой избы и церкви. Заледеневшие башни теремов отчаянно тянулись в небо. День угасал, и в высоких окнах башен загорались огни.

Женщина в великолепном наряде стояла у такого окна, наблюдая, как отблески огня смешивались с беспокойными сумерками. Две женщины за ней сидели у печи и вышивали.

– Ольга за час уже третий раз к окну подошла, – прошептала одна из них. Ее руки в кольцах сияли в тусклом свете, а ослепительный кокошник отвлекал от нарывов на носу.

Служанки толпились неподалеку и согласно кивали. Они стояли у холодных стен, головы укрывали платки.

– Ну конечно, Даринка! – воскликнула вторая женщина. – Она ждет своего брата, этого безрассудного монаха. Сколько времени прошло с тех пор, как брат Александр уехал в Сарай? Мой муж ждет его с первого снега. А теперь бедная Ольга изнывает у окна. Что ж, удачи ей. Брат Александр наверняка уже умер

в снегах.

Этой женщиной была Евдокия Дмитриевна, великая княгиня Московская. Ее платье было усыпано драгоценными камнями. Розовые, словно бутон, губы скрывали обломки трех почерневших зубов.

- Ты убьешь себя, стоя на этом ветру, Оля, - взвизгнула она. - Если бы брат Александр хотел вернуться, он бы уже был здесь.

- Как скажете, - холодно ответила Ольга, не отходя от окна. - Я рада, что вы учите меня терпению. Возможно, моя дочь научится у вас, как подобает вести себя княгине.

Евдокия поджала губы. У нее не было детей. У Ольги было двое, и она ждала третьего к Пасхе.

- Что это? - внезапно спросила Даринка. - Какой-то шум. Вы слышали?

За окном поднималась буря.

- Это ветер, - ответила Евдокия. - Всего лишь ветер. Какая же ты глупышка, Даринка. - Но она поежилась. - Ольга, прикажи подать еще вина. В этой комнате жуткий сквозняк.

По правде говоря, в светлице было тепло: воздух грела печь и скопление тел. В ней было лишь одно окно - узкое, как щель.

- Хорошо, - сказала Ольга, кивнув служанке. Девушка вышла на лестницу и скрылась в ледяной темноте.

- Ненавижу такие ночи, - вздохнула Даринка. Она закуталась в плащ и почесала струп на носу. Ее взгляд метался между свечами и тенями. - В такие ночи приходит она.

- Она? - кисло переспросила Евдокия. - Кто «она»?

– Что? – удивилась Даринка. – Вы не знаете? – Девушка горделиво приосанилась и ответила: – Привидение.

Дети Ольги, ругавшиеся у печи, умолкли. Евдокия фыркнула. Ольга, все еще стоявшая у окна, нахмурилась.

– Призраков не существует, – возразила Евдокия. Она потянулась за сливой в меду, с удовольствием съела ее и облизала сладкие пальцы. Её тон словно говорил, что этот терем не заслуживает привидения.

– Я видела ее! – обиженно воскликнула Даринка. – Видела, когда ночевала здесь в последний раз.

Знатные женщины рождались и умирали в башнях, но не были одиноки. Время от времени они ночевали друг у друга, пока их мужья были в отъезде. Терем Ольги – чистый, опрятный, богатый – стал излюбленным местом. К тому же Ольга восемь месяцев ждала ребенка и никуда не выходила.

Ольга нахмурилась, но Даринка, любящая внимание, поспешно продолжила:

– Это случилось сразу после полуночи. Несколько дней назад. Незадолго до того, как миновала середина зимы. – Она резко выпрямилась, едва не уронив кокошник. – Я проснулась...уже и не вспомню почему. Шум...

Ольга чуть слышно фыркнула. Даринка бросила на нее сердитый взгляд.

– Не могу вспомнить, – повторила она. – Я проснулась, везде было тихо. Сквозь ставни пробивался лунный свет. Мне показалось, что в углу раздался какой-то шум. Может, крыса. – Голос Даринки дрогнул. – Я лежала, укутавшись в одеяла. Но мне не спалось. Затем я услышала вой. Я открыла глаза и потрясла Настьку, которая спала рядом. «Настька, – прошептала я. – Настька, зажги лампу. Кто-то плачет». Но Настька не шевелилась.

Даринка замолчала. В комнате стало тихо.

– Потом я увидела сияние. Но не божий свет, а холоднее лунного света. Оно было совсем не похоже на добрый огонь. Сияние все приближалось...

Даринка снова замолчала.

- Наконец, я увидела ее, - прошептала она.

- Ее? Кого? Как она выглядела? - закричал десяток голосов.

- Белая как смерть, - прошептала Даринка. - Впалый рот без губ, вместо глаз две черные дыры, что вот-вот проглотят мир. Она смотрела на меня, я хотела закричать, но не смогла.

Кто-то из женщин взвизгнул. Остальные сжимали руки.

- Довольно, - шикнула на неё Ольга, отвернувшись от окна. Ее голос остановил всеобщую истерику. Женщины испуганно притихли. Ольга добавила: - Ты пугаешь моих детей.

Это было не совсем так. Старшая, Марья, слушала Даринку с горящими глазами. Но Даниил вцепился в сестру, дрожа от страха.

- А потом она исчезла, - закончила Даринка. Она старалась говорить как можно безопаснее, но ей это не удавалось. - Я помолилась и заснула.

Она поднесла чашу с вином к губам. Дети молча смотрели на нее.

- Хорошая сказка, - язвительно сказала Ольга. - Но она закончилась. Давайте рассказывать другие сказки.

Она вернулась на свое место у печи. Отблески пламени играли на ее волосах, собранных в две косы. За окном пошел сильный снег. Ольга больше не смотрела в сторону окна, однако ее плечи напряглись, когда служанки закрыли ставни.

В печь подбросили больше дров. Комната прогрелась и наполнилась мягким светом.

- Ты расскажешь нам сказку, матушка? - закричала Марья. - Ты расскажешь нам историю о волшебстве?

В комнате послышался одобрителный гул. Евдокия пристально взглянула на улыбающуюся Ольгу. Хотя Ольга была княгиней Серпуховской, она выросла вдали от Москвы, в глуши. Она рассказывала странные сказки родом с севера. Высокородные женщины, проводившие жизнь между церковью, пекарней и домом, ценили все новое и необычное.

Княгиня окинула взглядом слушателей. Как бы она ни печалилась, стоя у окна, грусть ее почти ушла. Служанки отложили иголки и уселись поудобнее на подушках.

Шипение ветра за окном смешивалось с тишиной снежной бури, которая сама была шумом. Люди с криками загоняли скотину в сараи, чтобы сберечь ее от мороза. Нищие брели по заснеженным улицам к церквям, молясь о том, чтобы дожить до утра. Мужчины на городской стене сбились в кучу у жаровен и натянули шапки пониже. Но палаты княгини наполнились теплом и тишиной.

– Тогда слушайте, – молвила Ольга. – В одном княжестве, в небольшой деревушке на окраине большого леса жил дровосек со своей женой. Дровосека звали Мишей, а жену – Аленой, и были они очень несчастны. Они много молились и целовали иконы, но Бог никак не даровал им детей. Времена были тяжелыми, и некому было им помочь пережить суровую зиму.

Ольга положила руку на живот. Ее третий ребенок – безымянный незнакомец – ворочался в утробе.

– Одним утром после сильной метели муж с женой отправились в лес за дровами. Они рубили сучья и сгребали в кучи снег, и Алена от нечего делать вылепила из снега девочку.

– Она была такой же красивой, как я? – перебила мать Марья.

Евдокия фыркнула.

– Она была из снега, глупышка. Холодная, мертвая и белая. – Евдокия бросила взгляд на девочку и добавила: – Но она точно была красивее тебя.

Марья покраснела и открыла рот.

– Да, девочка была белой и неподвижной, – поспешно продолжила Ольга. – Но еще она была высокой и стройной. У нее были красивые губы и длинная коса. Алена вложила в нее всю свою материнскую любовь, ведь настоящих детей у нее не было.

«Видишь, жена? – сказал Миша, глядя на снежное дитя. – Ты сделала нам дочь. Это наша Снегурочка, снежная девочка». Алена улыбнулась, хотя в глазах у нее застыли слезы.

В ту же секунду ледяной ветер засвистел меж голых ветвей. Морозко, хозяин зимы, был там и наблюдал за парой и их девочкой из снега.

Одни люди говорят, что Морозко сжалился над женщиной. Другие утверждают, что слезы женщины были волшебными. Она плакала над Снегурочкой втайне от мужа. Но когда Миша и Алена собрались домой, лицо Снегурочки покрылось румянцем, а глаза стали темными и глубокими. Живая обнаженная девочка стояла в снегу и улыбалась паре.

«Я стану вашей дочерью, – сказала она. – Если вы примете меня, я буду заботиться о вас, как о родных отце и матери».

Сначала старики не поверили, а затем расцвели от счастья. Алена расплакалась и побежала к Снегурочке. Взяв девочку за холодную руку, она повела ее в избу.

Дни проходили мирно. Снегурочка подметала пол, готовила обед и пела. Вот только порой ее песни были странными. От них ее родителям становилось не по себе. Но девочка была доброй и сноровистой. Когда Снегурочка улыбалась, казалось, что светит солнце. Миша и Алена не могли поверить своему счастью.

Луна прибывала и убывала. Наконец, миновала середина зимы. Вся деревня ожила, наполнилась ароматом румяных блинов и звоном колокольчиков на санях.

Изредка жители проходили мимо избы Миши и Алены. И Снегурочка рассматривала их, спрятавшись за поленницей.

Однажды Снегурочка увидела девочку и высокого мальчика. Они шли, держась за руки, и улыбались друг другу. Снегурочка недоумевала, что означает эта светлая радость на их лицах. Чем больше она думала об этом, тем меньше понимала, но прекратить думать не могла. Когда-то радостная, теперь она потеряла покой. Снегурочка расхаживала туда-сюда по избе и оставляла холодные следы на снегу между деревьями.

Однажды, незадолго до прихода весны, Снегурочка услышала прекрасную музыку, доносившуюся из леса. Мальчик-пастух играл на своей дудочке. Снегурочка подкралась ближе, зачарованная, и пастух увидел девочку с белоснежным личиком. Она улыбнулась ему, и теплое сердце мальчика потянулось к холодному сердцу девочки.

Спустя несколько недель пастух понял, что влюбился. Снег начал таять, небо расчистилось от туч. Но Снегурочка по-прежнему печалилась.

«Ты сделана из снега, – предупредил ее Морозко, когда она встретила его в лесу. – Ты не можешь любить и жить вечно».

Зима подходила к концу, и Морозко становился все бледнее. Теперь его можно было увидеть лишь в самом темном уголке леса. Крестьяне думали, что Морозко был только ветром в ветвях деревьев. «Ты – дитя зимы и будешь жить вечно. Но если ты прикоснешься к огню, то умрешь», – сказал он Снегурочке.

Но любовь мальчика-пастуха сделала девочку надменной. «Почему я должна всегда быть холодной? – возразила она. – Ты – ледяной старик, а я теперь настоящая девочка. Я хочу узнать больше об огне».

«Лучше тебе оставаться в тени», – таков был ответ Морозко.

Весна приближалась. Люди выходили из домов чаще, чтобы собрать зелень на проталинах. Пастух вновь и вновь приходил к избе Снегурочки. «Пойдем в лес», – говорил он.

Снегурочка выходила из-за печи и танцевала в тени. Но ее сердце по-прежнему оставалось ледяным.

Вскоре снег начал таять. Снегурочка бледнела и слабела. Она уходила рыдать в самую темную часть леса. «Пожалуйста, – умоляла она. – Я хочу почувствовать то, что чувствуют люди. Прошу тебя, исполни мою просьбу».

«Попроси у Весны», – неохотно ответил Морозко. Дни удлинялись, и ледяной старик слабел. Теперь его голос был едва слышен. Ветер печально погладил снежное дитя по щеке.

Весна была девушкой, древней, но вечно молодой. Цветы обвивали ее сильные руки и ноги. «Я дам тебе то, что ты ищешь, – ответила она. – Но ты умрешь».

Ничего не ответила Снегурочка и ушла домой, рыдая. Она провела долгие недели в избе, прячась в тени.

Но как-то раз молодой пастух постучал в дверь. «Пожалуйста, любимая, – умолял он. – Выйди ко мне. Я люблю тебя всем сердцем».

Снегурочка знала, что могла прожить вечность, оставаясь снежной девочкой в тесной крестьянской избе. Но... она слышала музыку и видела глаза любимого.

Поэтому она улыбнулась и надела бело-голубое платье. Она выбежала на улицу, и как только лучи солнца коснулись ее кожи, капли воды потекли по ее пшеничным волосам.

Вместе с пастухом она ушли в березовую рощу.

«Сыграй для меня», – попросила она.

Вода текла по ее рукам и волосам все быстрее. Хотя лицо Снегурочки было бледным, ее кровь и сердце стали теплыми. Пастух играл на дудочке, Снегурочка любила его и рыдала.

Наконец музыка стихла. Пастух захотел обнять девочку, но когда он дотронулся до нее, ее ноги растаяли. Она упала на сырую землю и пропала. Ледяная дымка поднялась в теплое голубое небо, и мальчик остался один.

Когда Снегурочка исчезла, Весна накинула на землю свою вуаль, и на полях распустились первые цветы. А пастух горько плакал по своей любимой, стоя в тени деревьев.

Миша и Алена тоже плакали. «Это было всего лишь волшебство, – утешал Миша свою жену. – Оно не могло длиться вечно, ведь Снегурочка была вылеплена из снега».

* * *

Ольга закончила свой рассказ, и женщины зашептались. Даниил уснул у нее на руках, а Марья жалась к ногам.

– Некоторые люди говорят, что дух Снегурочки остался в лесу, – продолжила Ольга. – Когда выпадает снег, она оживает, чтобы долгими ночами любить своего пастуха. – Ольга снова замолчала. – Но другие говорят, что она умерла, – печально сказала она. – Такова была цена любви.

В комнате должно было стать тихо, как и подобает после хорошо рассказанной истории. Но этого не произошло. Когда Ольга замолчала, ее дочь Маша резко выпрямилась и закричала.

– Смотрите, – вопила она. – Матушка, смотри! Это она, вон там! Смотри!.. Нет, нет! Уходи!

Девочка уткнулась в ноги матери, глаза ее стали пустыми от ужаса.

Ольга резко повернулась в сторону темного угла, куда смотрела ее дочь. Она заметила белое мерцание. Нет, это всего лишь отблески огня. Вся комната пришла в движение. Даниил проснулся и вцепился в сарафан матери.

– Что это?

– Успокой ребенка!

– Я же говорила! – верещала Даринка. – Я говорила, что привидение существует!

- Довольно! - рявкнула Ольга.

Ее голос оборвал гвалт в комнате. Крики и голоса стихли. Лишь Марья громко всхлипывала в тишине.

- Уже поздно, - холодно сказала Ольга. - Мы все устали. Лучше отведи хозяйку в опочивальню. - Она обратилась к служанке Евдокии. Великая княгиня была на грани истерики.

- Это был лишь детский кошмар, - уверенно добавила Ольга.

- Нет, - простионала Евдокия, наслаждаясь собой. - Нет, это было привидение! Мы все должны бояться.

Ольга резко посмотрела на свою служанку Варвару, девушку неопределенного возраста с бледными волосами.

- Проводи великую княгиню Московскую в опочивальню, - приказала Ольга.

Варвара тоже не отрывала взгляда от темного угла, но по приказу княгини резко встала. Теперь она выглядела бодрой и спокойной. «Это были лишь отблески пламени», - подумала Ольга, и на миг ее лицо помрачнело.

- Это была она! - бормотала Даринка. Она никак не могла успокоиться. - Разве ребенок стал бы лгать? Привидение! Сам черт...

- Дай Даринке горячего отвара и пригласи батюшку, - велела Ольга служанке.

Всхлипывающую Даринку увели. Евдокию проводили в покои, и шум в светлице стих.

Ольга вернулась к печи, рядом с которой сидели ее побледневшие дети.

- Это правда, матушка? - хныкал Даниил. - Это было приведение?

Марья молчала, вцепившись в свое платье. В ее глазах застыли слезы.

– Неважно, – спокойно сказала Ольга. – Тише, дети, не бойтесь. Нас охраняет Бог. Пойдемте, пора спать.

2

Два святых

В ту ночь Марья дважды будила няню криками. Во второй раз няня по глупости шлепнула ребенка. Девочка выскочила из постели, соколом пролетела по комнатам и ворвалась в покои Ольги раньше, чем няня успела остановить ее. Марья переползла через спящих служанок и устроилась, дрожа, под боком матери.

Ольга не спала. Она слышала шаги дочери и чувствовала ее дрожь. Внимательная Варвара поймала взгляд Ольги в полутьме, молча вышла из комнаты и прогнала няню. Возмущенные шаги женщины удалились. Ольга вздохнула и начала гладить Марью по голове, пытаясь успокоить девочку.

– Расскажи мне, Маша, что случилось? – спросила она, когда веки ребенка начали тяжелеть.

– Я видела женщину во сне, – пролепетала Марья. – На сером коне. Она была очень печальной. Она приехала в Москву и осталась там навсегда. Она пыталась что-то сказать мне, но я не слушала ее. Я так испугалась! – Марья снова всхлипнула. – Потом я проснулась, и она была там. Только теперь она призрак...

– Просто сон, – прошептала Ольга. – Просто сон.

* * *

Они проснулись на заре от шума голосов, доносившихся со двора.

В тяжелое мгновенье между сном и пробуждением Ольга попыталась вспомнить свой сон: сосны, шумящие на ветру, она с босыми грязными ногами, смеется

с братьями. Но шум нарастал, и Марья резко проснулась. Деревенская девочка Ольга из сна исчезла и снова была забыта.

Ольга отбросила одеяла, и Марья вскочила на ноги. Ольга с радостью заметила легкий румянец на детском личике: дневной свет прогнал ночные кошмары. Она узнала один голос среди общего гула.

– Саша! – прошептала Ольга, почти не веря. – Просыпайтесь! – крикнула она женщинам. – У нас гость во дворе. Приготовьте горячее вино и растопите баню.

В комнату зашла Варвара, в ее волосах блестел снег. Она встала затемно, чтобы подготовить дрова и воду.

– Ваш брат вернулся, – сказала она без церемоний. Ее лицо было бледным и напряженным. Она вряд ли спала после того, как Марья разбудила их ночью.

Зато Ольга чувствовала себя на десять лет моложе.

– Я знала, что ему ни одна буря нипочем, – сказала она, поднявшись. – Он человек Божий.

Варвара не ответила и начала разводить огонь.

– Оставь, – сказала Ольга. – Отправляйся на кухню и проследи, чтобы печи были растоплены. Еда должна быть готова. Он будет голоден.

Женщины в спешке одели Ольгу и ее детей. Но прежде чем Ольга выпила вина, прежде чем Даниил и Марья съели свою кашу с медом, на лестнице слышались шаги.

Марья вскочила, а Ольга нахмурилась: радость на лице девочки не сочеталась с ее бледностью. Наверное, она не забыла о том, что произошло ночью.

– Дядя Саша вернулся! – закричала Марья. – Дядя Саша!

– Впустите его, – приказала Ольга. – Маша...

На пороге показалась темная фигура. Лицо человека скрывала тень капюшона.

- Дядя Саша! - снова закричала Марья.

- Маша, нельзя так обращаться к святому! - воскликнула няня, но Марья уже опрокинула три стула и чарку с вином и помчалась к своему дяде.

- Господь с тобой, Маша, - сказал теплый сухой голос. - Отойди, дитя, я весь в снегу.

Он снял плащ и капюшон, засыпав пол снегом, начертил крест над головой девочки и обнял ее.

- Господь с тобой, брат, - сказала Ольга, сидя у печи. Ее голос прозвучал спокойно, но ее сияющее лицо говорило больше. Она добавила, не сдержавшись: - Негодяй, я так боялась за тебя.

- Господь с тобой, сестра, - молвил монах. - Ты не должна бояться. Я ступаю туда, куда меня направляет Бог. - Он говорил серьезно, а потом улыбнулся. - Я рад тебя видеть, Оля.

Плащ из меха скрывал монашеское одеяние. Он снял капюшон, обнажив черные волосы с постригом и обледеневшую бороду. Даже отец с трудом бы признал его: гордый мальчик вырос, стал широкоплечим и спокойным, шел мягко, как волк. Лишь ясные глаза - глаза его матери - не изменились с того дня, как он покинул Лесной Край десять лет назад.

Служанки Ольги исподтишка посматривали на него. Лишь монаху, священнику, мужу, слуге или ребенку было дозволено входить в московские теремы. Монахи обычно были старыми, невысокими и сероглазыми. От них веяло далекими землями.

Одна из служанок, глуповатая и страстная, неосторожно шепнула своей соседке:

- Это брат Александр Пересвет. Он...

Варвара шлепнула девушку, и та прикусила язык. Ольга оглядела женщин и сказала:

– Пойдем в часовню, Саша. Нужно отблагодарить Бога за твое возвращение.

– Да, Оля, – согласился монах. Он помолчал и сказал: – Я привел с собой странника, он очень болен. Он лежит в твоей светлице.

Ольга нахмурилась.

– Странник? Здесь? Хорошо, давай осмотрим его. Нет, Маша. Сначала доешь кашу, прежде чем путаться у всех под ногами.

* * *

Мужчина лежал на меховой шкуре рядом с печью. С него во все стороны стекали ручейки растаявшего снега.

– Брат, кто он? – спросила Ольга. Будучи в положении, она не могла опуститься на колени. Вместо этого она постучала указательным пальцем по зубам и с жалостью осмотрела незнакомца.

– Священник, – ответил Саша, стряхивая с бороды капли воды. – Я не знаю его имени. Я встретил его в двух сутках пути от Москвы, блуждающего на дороге, больного и бредящего. Я развел огонь, немного обогрел его и взял с собой. Вчера началась буря, мне пришлось выкопать пещеру в снегу. Мы бы остались там и сегодня, но ему стало хуже. Я думал, он умрет у меня на руках. Поэтому я решил рискнуть и спасти его от непогоды.

Саша проворно нагнулся над больным и убрал повязку с его лица. Глубокие глаза поразительного голубого цвета безучастно смотрели в потолок. Сквозь кожу священника проступали кости, а лицо горело от лихорадки.

– Ты сможешь ему, Оля? – спросил монах. – Ему только и нужно, что крыша над головой и немного хлеба.

– Здесь он получит не только это, – молвила Ольга. Она развернулась и быстро раздала слугам приказы. – Но его жизнь в руках Бога, и я не могу обещать спасти его. Он очень болен. Мужчины отведут его в баню. – Ольга внимательно посмотрела на брата. – Тебе бы тоже не мешало сходить.

– Я выгляжу таким замерзшим? – спросил монах. Снег и лед на его лице растаяли: стали заметны пугающие впадины щек и висков. Саша стряхнул остатки снега с волос. – Не сейчас, Оля, – возразил он, поднявшись на ноги. – Мы помолимся, и я съем что-то горячее. Затем мне нужно к великому князю. Он разозлится, узнав, что я не пришел к нему сразу.

* * *

Дорога от часовни до терема была мощеной и крытой, чтобы Ольге и остальным женщинам было удобно ходить на службу. Сама часовня напоминала изящную шкатулку. Все иконы были позолочены. В свете свечей блестели золото и жемчуга. Когда Саша молился, его чистый голос заставлял пламя трепетать. Ольга опустила перед Богоматерью и украдкой смахнула несколько слезинок болезненной радости.

Затем они удалились в ее покои и расселись возле печи. Детей увели, Варвара отослала служанок. Принесли дымящийся суп. Саша проглотил его и попросил добавки.

– Какие вести? – спросила Ольга, пока он ел. – Что тебя задержало? И не говори мне о воле Божьей, брат. Обычно ты возвращаешься вовремя.

Хотя в комнате было пусто, Ольга говорила тихо. Личные разговоры были почти невозможны в людном тереме.

– Я ездил в Сарай, – коротко сказал Саша. – Такие вещи за день не делаются.

Ольга пристально посмотрела на него.

Саша вздохнул.

– Зима пришла рано в южную степь, – сдался он. – Я потерял коня в Казани и неделю шел пешком. В пяти днях пути от Москвы я набрел на сожженную деревню.

Ольга перекрестилась.

– Пожар?

Саша медленно покачал головой.

– Разбойники. Татары. Они забрали девочек, чтобы продать на рынке рабов на юге, а остальных зарезали. Мне понадобился не один день, чтобы благословить и похоронить всех мертвых.

Ольга перекрестилась еще раз – на этот раз медленно.

– Я уехал, когда мне больше ничего не оставалось, – продолжил Саша. – Но я нашел другую спаленную деревню. И еще одну. – Когда он говорил, черты его лица становились все острее.

– Да упокоит Господь их души, – прошептала Ольга.

– Эти разбойники действуют очень слаженно, – вздохнул Саша. – У них есть крепость, иначе бы они не нападали в январе. У них хорошие кони, чтобы быстро нападать и убегать. – Саша схватил миску с супом, расплескав его. – Я искал их. Но не нашел ни единого следа, кроме пепла и рассказов крестьян, одна история хуже другой.

Ольга молчала. Во времена их деда Ордой правил один хан. Татары никогда не нападали на Москву, которая всегда была вассальным государством. Но теперь Москва не была такой покорной, такой верной, а самое главное – Орда перестала быть единой. Ханы приходили и уходили, требуя своего. Полководцы воевали друг с другом. Такие времена всегда плодили бесхозных людей, и все, кто был под Ордой, страдали.

– Довольно, сестра, – сказал Саша, неправильно истолковав ее взгляд. – Не бойся. Москва разбойникам не по зубам. Дом в Лесном Краю далеко. Но от

разбойников нужно избавиться. Я вернусь, как только смогу.

Ольга помолчала, взяла себя в руки и переспросила:

– Вернешься? Когда?

– Как только соберу людей, – заявил Саша. Он увидел лицо сестры и вздохнул. – Прости меня. Я останусь в другой раз. Слишком много горя я увидел за последние недели.

Станный человек, усталый и добрый, с крепкой, как сталь, душой.

Ольга посмотрела ему в глаза.

– Да, брат, ты должен идти, – спокойно сказала она. Но человек с острым слухом уловил бы в ее голосе нотки горечи. – Иди туда, куда тебя направляет Господь.

3

Внуки Ивана Калиты

Гридница великого князя была вытянутой, низкой и тусклой. Бояре сидели или полулежали за длинными столами, как собаки. Дмитрий Иванович, великий князь Московский, сидел в дальнем конце, облаченный в соболя и шерсть цвета шафрана.

Дмитрий был веселым человеком, широкоплечим и энергичным, нетерпеливым и самолюбивым, буйным и добрым. Его отец получил прозвище Иван Красный, и юный князь унаследовал его неяркую красоту: светлые волосы, тонкую кожу и серые глаза.

Великий князь тут же вскочил, когда Саша вошел в зал.

– Брат! – взревел он, просяив из-за чарки, украшенной драгоценными камнями. Он шагнул вперед и оттолкнул в сторону слугу, но затем остановился, вспомнив о приличии. Он вытер рот рукой и перекрестился. Чарка с вином в его свободной руке портила этот жест. Дмитрий поспешно поставил ее на стол и расцеловал Сашу в обе щеки.

– Мы опасались худшего, – сказал он.

– Да благословит вас Бог, Дмитрий Иванович, – с улыбкой произнес Саша. Мальчиками они жили вместе в монастыре, в Троице-Сергиевой лавре, пока Дмитрий не подрос.

Гул мужских голосов заполнил задымленный зал. Дмитрий набросился на остатки зажаренного кабана. Девиц для развлечения поспешно увели из зала, но Саша чувствовал их присутствие, как и запах вина и жирного мяса.

А еще он чувствовал на себе взгляды бояр, которые пытались понять, что значило его возвращение.

Саша никогда не понимал, зачем людям загонять себя в темные залы и закрываться от свежего воздуха.

Дмитрий, похоже, заметил отвращение брата.

– Баня! – внезапно крикнул он. – Истопить баню. Мой брат устал, и я хочу поговорить с ним наедине. – Он уверенно схватил Сашу за руку. – Я тоже устал от этого шума, – признался он, хотя Саша в этом сомневался. Дмитрию нравились шумные московские интриги. Лавра всегда была для него слишком маленькой и тихой.

– Эй, ты! – крикнул великий князь своему распорядителю. – Проследи, чтобы у моих гостей было все.

* * *

Давным-давно, когда монголы напали на Русь, Москва была примитивным, сколоченным наспех торговым городом. Орда не сразу обратила на нее

внимание после роскоши Владимира, Суздаля и Киева.

Этого было недостаточно для того, чтобы выстоять перед татарами, но Москвой правили умные князья. В дыме и пепле войны москвичи решили превратить своих захватчиков в союзников.

Преданность Орде помогала воплощать свои амбиции. Когда ханы требовали дань, московские князья платили ее, требуя деньги от своих бояр. В ответ довольные ханы давали Москве новые территории, но не только это: ярлык на княжение во Владимире и титул великого князя. Так московские правители процветали, а их угодья росли.

Пока Московия росла, Золотая Орда слабела. Жестокие распри между детьми великого хана сотрясали престол, и между московскими боярами пошли пересуды: татары – не христиане, и ханы не задерживаются на престоле дольше полугода. Так зачем платить дань? Зачем прислуживать?

Дмитрий, человек безрассудный, но практичный, разглядел беспорядки в Сарае. Он понял, что в Орде не следят за выплатой дани, и незаметно перестал платить ее. Он начал откладывать деньги и отправил брата Александра в земли язычников – выведать планы. Саша в свою очередь отправил близкого друга, брата Родиона, в дом своего отца в Лесном Краю, чтобы тот предупредил о грядущей войне.

Теперь Саша вернулся из Сарая наперекор суровой зиме. Он нес вести, о которых хотел бы не знать.

Саша прислонился к деревянной стене бани и закрыл глаза. Пар постепенно смывал грязь и накопившуюся в дороге усталость.

– Выглядишь ужасно, брат, – бодро отметил Дмитрий, поедая пирожок. По его коже стекал пот от излишнего мяса и вина.

Саша приоткрыл глаза.

– Ты поправился, – парировал он. – Тебе нужно отправиться в монастырь и поститься две недели в Великий пост.

Когда Дмитрий жил в лавре, в дни поста он частенько удирал в лес, чтобы поймать и съесть зайца. Посмотрев на него, Саша подумал, что вряд ли бы князь отказался от своей привычки.

Дмитрий рассмеялся. Его буйное обаяние отвлекало несведущих от его дальновидных взглядов. Отец великого князя умер, когда Дмитрию не было и десяти. В этих краях мальчишки-князья редко доживали до взрослого возраста. Дмитрий рано научился разбираться в людях и не доверять им. Но брат Александр сначала был учителем Дмитрия, а позже стал другом, когда они жили в лавре. Поэтому Дмитрий лишь ухмыльнулся и сказал:

– Снег валит днями и ночами. Чем нам еще заниматься, кроме как пировать? Я даже не могу встретиться с девицей. Отец Андрей запрещает – по крайней мере до тех пор, пока Евдокия не родит мне наследника. – Князь облокотился на скамью, нахмурился и добавил: – Как будто это возможно, с этой бабой-пустоцветом.

На мгновение он помрачнел, но тут же просиял.

– Наконец-то ты здесь. Мы уже отчаялись увидеть тебя. Кто сейчас на троне в Сарае? Каковы планы полководцев? Расскажи мне все.

Саша поел и напарился. Теперь ему хотелось спать – где угодно, лишь бы не на земле. Но он открыл глаза.

– Весной войны не должно быть, брат.

Князь удивленно посмотрел на Сашу.

– Не должно? – голос князя звучал самоуверенно и нетерпеливо. Выражение его лица было тем, что сохранило ему трон даже после десяти лет правления и трех осад.

– Я побывал в Сарае, – осторожно начал Саша. – И не только там. Я отправился в лагерь кочевников. Я говорил со многими людьми, не раз рисковал жизнью, – Саша замолчал, вспомнив раскаленную пыль, бесцветное степное небо, вкус странных пряностей. На фоне ослепительного города кочевников Москва была

похожа на замок из грязи, построенный за день неумелыми детьми.

– Ханы приходят и уходят, это так, – продолжил он. – Проходит не больше полугода, прежде чем дядя или брат займет трон. У великого хана слишком много детей. Но это не важно. У полководцев свои войска, и они удерживают власть, даже если престол раскачивается.

Дмитрий на мгновение задумался.

– Ты только представь! Победа будет непростой, зато сделает меня повелителем всей Руси. Нам не придется платить дань неверующим. Разве это не стоит незначительных рисков и жертв?

– Да, – согласился Саша. – Когда-нибудь. Но это еще не все. Этой весной тебя ждут проблемы рядом с твоим домом.

И брат Александр мрачно поведал великому князю Московскому о спаленных дотла деревнях, разбойниках и огне на горизонте.

* * *

Пока князь советовался с братом Александром, слуги Ольги искупали священника, которого Саша привез в Москву. Они переодели мужчину в чистую одежду и разместили в келье духовника. Ольга укуталась в плащ, отороченный заячьим мехом, и спустилась к нему.

Печь в углу комнаты только что растопили. Свет пламени едва освещал комнату, но, когда вошли слуги Ольги с глиняными лампами, тени трусливо отступили.

Мужчина не спал. Он лежал на полу, молясь перед иконами. Его длинные волосы разметались и сияли в свете ламп.

Женщины Ольги шептались и тянули шеи, чтобы разглядеть его получше. Их гул мог бы отвлечь святого, но мужчина не шевельнулся. Вдруг он умер? Ольга быстро подошла к нему. Но не успела она дотронуться до мужчины, как тот выпрямился, перекрестился и с трудом встал.

Ольга молча смотрела на него. Даринка, которая пришла вместе с лупоглазыми прислужницами, ахнула и хихикнула. Волосы мужчины спускались по его плечам, золотые, словно нимб святого, а глаза под густыми бровями были ослепительно голубыми. Его нижняя губа была красной: единственная мягкость на костлявом лице.

Женщины резко притихли. Ольга первой пришла в себя и вышла вперед.

– Благослови, отче, – сказала она.

Голубые глаза священника блестели от лихорадки. Пот спутал золотые волосы.

– Да благословит вас Господь, – ответил он. От его глубокого грудного голоса пламя свеч задрожало. Он не смотрел в глаза Ольги: он безжизненно уставился сквозь нее, на тени у потолка.

– Я уважаю вашу набожность, батюшка, – сказала Ольга. – Вспоминайте обо мне в своих молитвах. Но вы должны немедленно вернуться в постель. Этот холод смертелен.

– Я буду жить или умру по воле Божьей, – возразил священник. – Лучше...

Он пошатнулся. Варвара успела поймать его: она оказалась гораздо сильнее, чем можно подумать. На ее лице мелькнуло слабое отвращение.

– Растопите печь, – приказала Ольга служанкам. – Разогрейте суп. Принесите горячего вина и одеял.

Варвара, кряхтя, уложила священника в кровать, а затем принесла Ольге стул. Ольга села, и женщины столпились у нее спиной. Священник не двигался. Кем он был и откуда пришел?

– Это мед, – сказала Ольга, когда его веки задрожали. – Садитесь. Пейте.

Священник приподнялся и выпил напиток, задыхаясь. Все это время он наблюдал за Ольгой из-за краев чарки.

– Благодарю... Ольга Владимировна, – сказал он, когда допил.

– Кто сказал вам, как меня зовут, батюшка? – удивилась Ольга. – И почему вы, больной, скитались по лесу?

Его лицо дрогнуло.

– Я пришел из дома вашего отца в Лесном Краю. Я прошел много верст, замерзая в темноте... – начал священник. Он помолчал и затем продолжил: – Вы похожи на своего отца.

«Лесной Край...» Ольга резко встала.

– У вас есть новости? Что с моими братьями и сестрой? Что с моим отцом? Расскажите мне, я не получала вестей с лета.

– Ваш отец мертв.

В комнате стало тихо. Было слышно, как потрескивают дрова в печи.

Ольга была потрясена. Ее отец мертв? Он никогда не увидит ее детей.

«Впрочем, какое это имеет значение?» Теперь он был счастлив – со своей женой. Но... он навсегда останется в любимой промерзлой земле, и Ольга больше никогда не увидит его.

– Да упокоит Господь его душу, – ошеломленно прошептала Ольга,

– Мне жаль, – сказал священник.

Ольга потрясла головой и закашлялась.

– Держите, – священник протянул ей чарку. – Пейте.

Ольга одним глотком осушила чарку и отдала ее Варваре. Она промокнула рукавом глаза и спокойно спросила:

– Как он умер?

– Это плохая история.

– Я хочу знать ее, – возразила Ольга.

Женщины зашептались.

– Очень хорошо, – едко сказал священник. – Он умер из-за вашей сестры.

Женщины ахнули и замерли в ожидании подробностей. Ольга прикусила щеку.

– Все вон, – тихо сказала Ольга. – Возвращайся наверх, Даринка, прошу тебя.

Женщины недовольно заворчали, но ушли. Только Варвара осталась ради приличия. Она ушла в тень, скрестив руки на груди.

– Вася? – жестко спросила Ольга. – Моя сестра Василиса? Что она могла...

– Василиса Петровна не ведала ни Бога, ни послушания, – продолжил священник. – Дьявол жил в ее душе. Я пытался... много раз пытался наставить ее на путь истинный. Но мне не удалось.

– Я не понимаю... – пробормотала Ольга. Священник уселся повыше на подушках, по его шее тек пот.

– Она видела то, чего нет, – прошептал он. – Она ходила в лес и не боялась. Все в деревне обсуждали это. Самые добрые говорили, что она безумна. Но другие называли ее ведьмой. Она стала похожа на ведьму, привлекала взгляды мужчин, хотя не отличалась красотой. – Священник помолчал и снова продолжил: – Ваш отец, Петр Владимирович, второпях устроил свадьбу, чтобы она вышла замуж, пока не случилось худшее. Но она отвергла жениха, и тот уехал. Петр Владимирович решил отослать ее в монастырь. Он боялся... боялся за ее душу.

Ольга ясно представила, как ее сестра с неземными зелеными глазами стала той, кого описывал священник. «В монастырь? Васю?»

– Та маленькая девочка, которую я знала, ни за что бы не осталась в неволе, – сказала она.

– Она боролась, – согласился священник. – Нет, говорила она, и еще раз нет. Она убежала ночью в лес посреди зимы, отказываясь повиноваться. Петр Владимирович отправился за своей дочерью вместе с Анной Ивановной, ее бедной мачехой.

Священник замолчал.

– А потом? – прошептала Ольга.

– Зверь нашел их, – сказал он. – Мы думаем... говорят, это был медведь.

– Зимой?

– Должно быть, Василиса забралась в берлогу. Девушки глупы, – повысил голос священник. – Я не знаю, не видел. Петр спас дочь, но сам погиб, как и его бедная жена. На следующий день Василиса, все еще одержимая, сбежала. С тех пор о ней никто не слышал. Мы, Ольга Владимировна, можем лишь полагать, что она мертва. Она и ее отец.

Ольга приложила руку к глазам.

– Я пообещала Васе, что она будет жить со мной. Я могла вмешаться. Я могла...

– Не скорбите, – молвил священник. – Ваш отец теперь у Бога, а сестра заслужила такой участи.

Ольга потрясенно вскинула голову. Голубые глаза священника были пустыми. В его голосе ей послышалась ненависть.

Ольга взяла себя в руки.

– Вы преодолели столько опасностей, чтобы сообщить мне об этом. Чем... чем мы можем отблагодарить вас? Простите меня, батюшка. Я ведь даже не знаю

вашего имени.

– Меня зовут Константин Никонович, – ответил священник. – И мне ничего не нужно. Я уйду в монастырь и буду молиться об этом грешном мире.

4

Хозяин Башни Костей

Митрополит Алексей основал Архангельский собор в Москве, и его игумен, отец Андрей, как и Саша, был учеником святого Сергия. Своей внешностью Андрей напоминал гриб: округлый, мягкий и невысокий. У него было лицо веселого и распутного ангела. Он удивительно хорошо разбирался в политике и накрывал на стол так, что ему завидовали все три монастыря.

– Чревоугодник не направит свои помыслы к Богу, – снисходительно говорил он. – Но этого не сделает и голодный человек.

Покинув терем великого князя, Саша отправился напрямик в монастырь. Пока Константин молился в теплом тереме Ольги, Андрей и Саша разговаривали в монастырской трапезной за соленой рыбой и капустой (был постный день). Андрей выслушал молодого монаха и сказал, задумчиво жуя:

– Мне жаль слышать о пожарах. Но пути Господни неисповедимы, и новости прибыли вовремя.

Саша не ожидал этого ответа. Он удивленно вскинул брови и положил руки, потрескавшиеся на морозе, на деревянный стол. Андрей торопливо продолжил:

– Тебе нужно увести великого князя из города. Возьми его с собой, пусть он убьет разбойников. Подложи под него симпатичную девицу, от которой он не будет отчаянно ждать сына. – Пожилой монах сказал это, даже не покраснев. Прежде чем посвятить себя Богу, он был боярином и отцом семерых детей. – Дмитрий не находит себе места. Жена не радуется ему в постели, и у него нет детей, которым можно было бы посвятить себя. Если так будет продолжаться

и дальше, князь пойдет войной на татар или кого-то другого, только бы спастись от скуки. Ты говоришь, еще не время воевать. Тогда пусть ищет разбойников.

– Хорошо, – ответил Саша. Он опустошил чарку и встал. – Спасибо за предупреждение.

* * *

Келья брата Александра была прибрана к его возвращению. На узкой кровати лежала хорошая медвежья шкура. В дальнем углу висела икона Христа и Богородицы. Саша долго молился под перезвон колоколов Москвы. Языческая луна поднималась над заснеженными башнями теремов.

Мать Божья, помяни моего отца, моих братьев и сестер. Помяни моего учителя из монастыря в глуши и братьев во Христе. Я прошу тебя не гневаться, мы не пойдем пока на татар, потому что они очень сильны и их слишком много. Прости мои грехи. Прости меня.

Свет горящих свечей мерцал бликами на узком лице Богородицы, и ее Дитя, казалось, смотрело на Сашу своими темными нечеловеческими глазами.

На следующее утро Саша пошел на утреню с братьями. Он поклонился перед иконостасом до пола. Помолившись, он вышел в сияющий заснеженный город.

У Дмитрия Ивановича были свои недостатки, но среди них не было праздности. Саша увидел, что великий князь уже спустился во двор. Он, румяный и веселый, размахивал мечом перед юными боярами. Его любимый кузнец из Новгорода изготовил новый клинок с рукоятью в форме змеи. Два двоюродных брата, князь и монах, осмотрели меч с сомнением и восторгом.

– Он вселит страх в моих врагов, – заявил Дмитрий.

– Пока ты не ударишь кого-то рукоятью, и она не разобьется вдребезги, – возразил Саша. – Посмотри на это тонкое место. Вон там, где голова змеи соединяется с телом.

Дмитрий снова посмотрел на рукоять.

– Что ж, проверим его в деле, – предложил он.

– Боже упаси, – воскликнул Саша. – Если ты собираешься сломать рукоять об кого-то, пусть это буду не я.

Дмитрий уже направился к одному из самых неприятных бояр, как голос Саши заставил его обернуться.

– Достаточно игр, – нетерпеливо сказал Саша. – Буря кончилась. Горят целые деревни. Ты поедешь со мной?

Дмитрий не успел ответить: его внимание привлекли крики и возня за воротами. Оба мужчины замолкли, прислушиваясь.

– Десяток лошадей, – отметил Саша, вопросительно выгнув бровь. – Кто?..

В следующую секунду во двор вбежал распорядитель Дмитрия.

– Прибыл важный господин, – сказал он, задыхаясь. – Говорит, что должен вас увидеть. Он привез подарок.

Между бровями Дмитрия пролегли морщины.

– Господин? Кто он? Мои бояре здесь, и никто из них... Ладно,пусти его, иначе он замерзнет до смерти.

Распорядитель убежал. Петли скрипнули на морозном утреннем воздухе, и незнакомец въехал во двор на отличном рыжем коне в сопровождении своих людей. Конь резко дернулся и попытался встать на дыбы. Но наездник умело успокоил его и спешил, подняв облако снежной пыли.

– Что ж, – сказал великий князь, положив руки на пояс. Бояре закончили бой и столпились у него спиной, перешептываясь и во все глаза глядя на гостя.

Незнакомец внимательно осмотрел толпу и подошел ближе. Он поклонился великому князю.

Саша глянул на гостя. Он точно был боярином: широкоплечим и хорошо одетым, с темными глазами и длинными ресницами. Волосы, выбивающиеся из-под шапки, были рыжими, как осенние яблоки. Саша никогда не видел этого человека раньше.

Боярин обратился к Дмитрию:

– Вы великий князь Москвы и Владимира?

– Как видите, – холодно ответил Дмитрий. Тон рыжеволосого мужчины был дерзким. – Кто вы?

Пугающий темный взгляд метнулся с великого князя на его брата.

– Меня зовут Касьян Лютович, государь, – спокойно ответил мужчина. – Я владею землями в двух неделях пути на востоке.

Дмитрий и бровью не повел.

– Не помню, получал ли дань с... Как называются ваши земли?

– Башня Костей, – ответил рыжеволосый мужчина. Дмитрий поднял брови, и тот пояснил: – У моего отца было особое чувство юмора. Он назвал так наш дом в конце третьей голодной зимы, когда я был ребенком. – Саша заметил, как гордо Касьян расправил широкие плечи, когда тот добавил: – Мы всегда жили в лесу, ничего не просили у других. Но теперь, великий князь, я прибыл с подарком и просьбой, потому что мои люди страдают.

Касьян махнул рукой своим людям, и те вывели кобылу серой масти, да такую прекрасную, что даже великий князь на мгновение замер.

– Это мой дар вам, – сказал Касьян. – Возможно, ваши стражники окажут гостеприимство моим людям.

Великий князь молча осмотрел кобылу.

– Страдают? – переспросил он.

– От людей, которых мы не можем найти, – нахмурился Касьян. – Разбойники. Они жгут мои деревни, Дмитрий Иванович.

* * *

Касьяна проводили в приемную князя, лошадей накормили овсом, а его людей развели по комнатам. Рыжеволосый Касьян пил пиво в зале с низкими разрисованными потолками, а Саша и великий князь нетерпеливо, но вежливо ожидали, пока он начнет рассказ. Наконец, Касьян вытер рот и произнес:

– Все началось несколько месяцев назад с шепотков и слухов из далеких деревень. Воры. Пожары. – С отсутствующим взглядом он покрутил кружку в тяжелой руке. – Я не прислушался к ним. Всегда есть отчаявшиеся люди, да и слухи обычно преувеличивают. С первым снегом я обо всем забыл.

Касьян снова отхлебнул из кружки.

– Но я ошибся, – продолжил он. – Теперь я отовсюду слышу о пожарах. Отчаявшиеся крестьяне приходят ко мне ежедневно, просят зерна или защиты.

Дмитрий и Саша переглянулись. Бояре и слуги внимательно слушали гостя.

– Что ж, – сказал Дмитрий, наклонившись на своем резном стуле, – вы ведь им хозяин, не так ли? Вы помогли им?

Касьян грозно сжал губы.

– Зимой мы не раз искали этих злодеев. В моем хозяйстве есть умные люди, отличные собаки, умелые охотники.

– Тогда я не понимаю, почему вы пришли ко мне, – заявил Дмитрий, разглядывая странника. – Теперь вам не удастся избежать дани. Я ведь знаю ваше имя.

– Я пришел, потому что у меня не было выбора, – сказал Касьян. – Мы не нашли этих разбойников, даже следов копыт. Ничего, кроме пожаров, плача и разрушений. Среди моих людей ходят слухи, что эти разбойники – не люди, а демоны. Поэтому я приехал в Москву, – возмущенно заключил он, – хотя мог бы остаться дома. Потому что в этом городе есть воины и Божьи люди, и я обязан помочь своим крестьянам.

Саша заметил, как очарован был Дмитрий.

– Никаких следов? – спросил великий князь.

– Ничего, государь, – ответил Касьян. – Возможно, эти разбойники и не люди вовсе.

– Выезжаем через три дня, – сказал Дмитрий.

5

Пламя в глуши

Ольга не сказала брату о смерти отца и сестры. Впереди Сашу поджидали опасности, и он должен был встретить их с ясной головой. «Он особенно расстроится из-за Васи, – подумала она. – Он так ее любил».

Поэтому в день отъезда Саши Ольга просто поцеловала его и пожелала удачи. Она дала ему новый плащ и хороший бурдюк медовухи.

Саша рассеянно принял подарки. Мысленно он уже был в глуши: думал о разбойниках, сожженных деревнях и о том, что делать с молодым князем, который больше не желал подчиняться татарам.

– Храни тебя Бог, сестра, – сказал он.

– И тебя, брат, – спокойно ответила Ольга. Она привыкла к расставаниям. Ее брат приходил и уходил, словно ветер в летних соснах. Ее муж, Владимир, был не лучше. Но на этот раз она думала о своем отце и сестре, ушедших навсегда, и ей было тяжело.

«Они всегда уходят, а я остаюсь».

– Прошу тебя, вспоминай обо мне в своих молитвах, – попросила она.

* * *

Дмитрий и его люди покинули Москву в день, полный белизны: белый снег и лучи белого солнца сияли на белых башнях. Ветер, хохоча, вздымал плащи и капюшоны путников. Дмитрий, одетый для долгого похода, вышел во двор и легко запрыгнул на спину лошади.

– Идем, брат! – окликнул он Сашу. – Сегодня ясный день и снег сухой. В путь!

Конюхи придерживали навьюченных лошадей. Отряд мужчин, вооруженных мечами и короткими копьями, ждал приказа князя.

Люди Касьяна смущенно стояли рядом с людьми Дмитрия. Саша не знал, что скрывалось за их хмурыми лицами. Сам Касьян молча сидел на своей огромной рыжей кобылице, оглядывая многолюдный двор.

Ворота открылись, и мужчины пришпорили лошадей. Сытые животные бросились вперед. Саша оседлал своего гнедого коня по кличке Туман и подтолкнул его в беспощадную зиму. Ворота с громким скрипом закрылись.

Последними звуками Москвы стал перезвон колоколов над заснеженными деревьями.

* * *

Для тех, кто мог вытерпеть зиму (а не могли многие), на севере Руси это время года было периодом странствий. Летом люди ездили по проселочным дорогам

и оленьим тропам в глуши, где телеги не проезжали или застревали в грязи. Но зимой дороги застывали, и сани выдерживали большой груз. Замерзшие реки превращались в дороги без деревьев или пней, где ничто не мешало. Люди ехали по широким безопасным маршрутам, на север и на юг, на восток и на запад.

Зимой реки были перегружены. Деревни тянулись вдоль берегов, ведь вода кормила их. Были там и богатые дома бояр, готовых принять у себя великого князя Московского.

Путники отправились на восток и к вечеру первого дня добрались до ярких огней Купавны. Дмитрий отправил людей предупредить о прибытии князя, и в тот вечер путники полакомились пирогом с капустой и солеными грибами.

Но на следующее утро они покинули обжитые земли. Они знали, что не смогут найти ночлег. Окружавший лес становился темнее и непроходимее. Изредка попадались крошечные деревушки. Мужчины мчались во весь опор целый день и разбивали лагерь в лесу. Ночью воины князя несли дозор.

Несмотря на всю осторожность, они не увидели ни диких зверей, ни разбойников. Но на седьмой день они натолкнулись на сожженную деревню.

Туман первым почувствовал запах гари и фыркнул. Саша успокоил его уверенной рукой и принюхался к ветру.

– Дым.

Дмитрий натянул поводья.

– Я чувствую.

– Там, – сказал Касьян, который шел позади. Он махнул вперед рукой в варежке.

Дмитрий поспешно отдал приказы, и мужчины начали подбираться ближе. При таком количестве людей они не могли подойти незаметно. Сухой снег скрипел под копытами лошадей.

Деревня была сожжена дотла, словно ее накрыла огромная огненная рука. Поначалу она показалась путникам совершенно мертвой, пустой и ледяной, но в центре деревни стояла церковь, которую огонь пощадил. Легкий дымок поднимался из дыры в крыше.

Мужчины подошли поближе с мечами наготове и замерли, ожидая нападения. Туман тревожно покосился на своего наездника. Когда-то деревня была обнесена частоколом, но теперь он превратился в груды пепла.

Дмитрий отдал приказы: несколько мужчин встали на страже, другие отправились на поиски выживших в соседнем лесу. Сам же Дмитрий вместе с Сашей и Касьяном в сопровождении нескольких воинов перешагнули через остатки ограждения.

Повсюду лежали тела, почерневшие, как сожженные дома. Мертвецы замерли в умоляющих позах и с оскалами на обугленных черепах. Хотя Дмитрий Иванович не был чувствительным человеком и не отличался богатым воображением, его лицо побелело. И все же он уверенно сказал Саше:

– Постучи в дверь церкви.

Они слышали звуки, доносящиеся оттуда.

Саша опустился на снег, постучал в дверь церкви рукоятью своего меча и позвал:

– Да пребудет с вами Бог.

Тишина.

– Я – брат Александр, – сказал он. – Я не разбойник и не татарин. Я помогу вам всем, чем смогу.

После недолгой тишины за дверью послышались чьи-то голоса. Затем дверь распахнулась. Саша увидел женщину с топором в руке и синяками на лице. За ней стоял священник, весь в крови и саже. Увидев монашеский постриг Саши, они опустили свое оружие.

– Да хранит вас Бог, – вымолвил Саша, хотя слова застревали в горле. – Вы расскажете мне, что здесь произошло?

– Зачем? – спросил священник, безумно рассмеявшись. – Вы опоздали.

* * *

Все же женщина рассказала им о случившемся, хоть и немного. Разбойники прибыли на рассвете, снег летел из-под копыт их лошадей. Казалось, их было не меньше сотни, и они были повсюду. Практически все мужчины и женщины погибли от их мечей. Затем разбойники принялись за детей.

– Они забрали девочек, – сказала женщина. – Не всех, но многих. Один из разбойников выбирал тех, которые ему нравились.

Женщина держала в руках маленький яркий платок, явно принадлежавший ребенку. Она нерешительно посмотрела Саше в глаза.

– Я прошу вас помолиться за них.

– Я помолюсь, – пообещал Саша. – Мы постараемся найти разбойников.

Всадники поделились пищей и развели погребальный костер для обгоревших тел. Саша обработал жиром ожоги выживших, хотя некоторым помог бы лишь удар меча.

На рассвете они уехали.

Великий князь недовольно посмотрел на спаленную деревню, исчезавшую в деревьях.

– Мы проведем всю зиму в пути, брат, если ты будешь благословлять каждого покойника и кормить каждый голодный рот. Мы уже потеряли день. Никто из этих людей не переживет зиму, все равно их зерно сгорело. И лошадям нельзя останавливаться.

Дмитрий все еще был бледен.

Саша ничего не ответил.

* * *

Через три дня путники обнаружили две другие спаленные деревни. Жители первой деревни смогли убить лошадь разбойника, но захватчики отомстили кровавой резней и подожгли церковь. Иконостас был разбит и теперь извергал пепел. Выжившие столпились вокруг него.

– Бог бросил нас, – сказали они Саше. – Они забрали девочек. Мы готовы принять наказание.

Саша благословил выживших, получил в ответ пустые взгляды и уехал.

След был очень холодным. Возможно, следа вовсе не было.

Третья деревня оказалась пустой. Все ушли: мужчины и женщины, дети и старики. Не осталось ни припасов, ни домашнего скота. Свежий снег припорошил следы людей.

– Татары! – плюнул Дмитрий, пока его люди осматривали последнюю деревню, пропахшую скотиной и дымом. – Точно татары. И ты, Саша, говоришь, что я не должен идти войной на этих безбожников?

– Мы ищем разбойников, – возразил Саша, скалывая сосульки с морды Тумана. – Нельзя мстить всему народу из-за деяний нескольких дурных людей.

Касьян промолчал. На следующий день он объявил, что уходит со своими людьми.

Дмитрий холодно ответил:

– Боитесь, Касьян Лютович?

Другой бы рассвирепел от таких слов, но Касьян выглядел задумчивым. К тому времени мороз выбелил лица путников, оставив лишь легкие следы румянца на носу и щеках. Теперь князь, монах и воины выглядели почти одинаково. Все они напоминали раздраженных медведей, укутанных в слои сукна и меха. Лишь Касьян был исключением: бледным и спокойным, как в начале пути, а его глаза оставались зоркими и ясными.

– Не боюсь, – спокойно ответил Касьян. Рыжеволосый боярин мало говорил, зато много слушал. Своим уверенным обращением с луком и копьем он завоевал сдержанное уважение Дмитрия. – Но эти разбойники скорее похожи на демонов, а не на людей. Я должен возвращаться домой. Я уже давно в пути. – Касьян немного помолчал и добавил: – Я вернусь с новыми охотниками. Прошу лишь несколько дней, Дмитрий Иванович.

Дмитрий задумался, рассеянно очищая бороду от налипшего снега.

– Мы недалеко от лавры, – наконец сказал он. – Моим людям нужно поспать по-человечески, а не на земле. Встретимся там. Даю вам неделю.

– Очень хорошо, – кивнул Касьян. – Я вернусь по реке и поговорю с жителями деревень. Эти призраки должны есть, как и обычные люди. Затем я возьму крепких мужчин и отправлюсь к вам в монастырь.

Дмитрий кивнул. Он выглядел бодрым, но даже его утомил дым, неопределенность и долгий беспощадный мороз.

– Хорошо, – ответил князь. – Но не забудьте о данном слове.

* * *

Касьян и его люди ушли на рассвете, когда от земли поднималась холодная дымка. Лучи яркого солнца окрасили костры путников в багряные, золотые и серые цвета. Саша, Дмитрий и их воины молчали. Как ни странно, после отъезда товарищей они почувствовали себя брошенными.

– В путь, – сказал великий князь, собравшись с силами. – Мы продолжим внимательно смотреть по сторонам и следить. До лавры совсем близко.

Путники упрямо шли вперед, хотя силы были на исходе. Они рыли колеи в месте своего ночлега и выкладывали их углями от костров. Но ночи были долгими, а дни ветреными и снежными. Лошади исхудали от долгой езды и мороза. За всадниками не были погони, но все они чувствовали, будто за ними наблюдают.

Спустя две недели, на рассвете, путники услышали звон.

Глубокой зимой утро наступало медленно, и солнце скрывала густая белесая дымка. Рассвет был лишь серией вспышек: от черного к голубому и серому. Когда на востоке начало светать, над деревьями разнесся звон колоколов.

Измощенные лица путников просияли. Люди перекрестились.

– Это лавра, – сказал один воин другому. – Обитель святого Сергия. Ни один проклятый разбойник, ни один демон не проберется туда.

Кони опустили головы, и колонна прошла сквозь лес, осматриваясь еще внимательнее, чем раньше. Всем казалось, что сегодня, когда они так близки к убежищу, когда их лошади спотыкаются от усталости, призраки все-таки нападут на них.

Но в лесу стояла тишина, и вскоре путники вышли к монастырю, обнесенному стеной.

Их увидели еще до того, как лошади вышли из лесной чащи. Путники услышали крик монаха, наблюдающего за ними со стены. Саша снял капюшон и проревел в ответ:

– Брат Родион!

Бесстрастное лицо монаха расплылось в улыбке.

– Брат Александр! – закричал монах. Он развернулся и отдал короткие приказы. Во дворе монастыря послышался шум, и ворота со скрипом распахнулись.

Старик с ясными глазами и заснеженной бородой ждал путников на воротах. Он опирался на посох. Несмотря на свою усталость, Саша в одно мгновение спрыгнул с лошади, а за ним и Дмитрий. Снег скрипел под их ногами, когда они вместе поклонились и поцеловали руку старика.

– Отче, – сказал Саша Сергию Радонежскому, самому святому человеку на Руси. – Я рад видеть вас.

– Сыновья мои, – ответил Сергей, подняв руку в благословлении. – Вам здесь рады. Вы прибыли вовремя. Зло проснулось.

* * *

Александр Петрович, ставший монахом, братом Александром Пересветом, пришел в лавру в возрасте пятнадцати лет. Он гордился своей набожностью, умением обращаться с лошадьми и мечом. Он ничего не боялся и мало кого уважал, но жизнь в монастыре изменила его. Братья Троице-Сергиевой лавры своими руками строили избы, обжигали кирпичи для печей, сажали огороды, пекли хлеб в глуши.

Годы ученичества прошли одновременно быстро и медленно, как было всегда в мирные времена. Дмитрий Иванович вырос среди братьев, стал гордым и энергичным, хорошо образованным и справедливым.

В возрасте шестнадцати лет Дмитрий покинул монастырь и стал великим князем Московским. Саша, став полноправным монахом, пустился в странствия. Он три года ездил по Руси, помогал монастырям и основал свои, как подобает монаху. В скитаниях он утратил свое ребячество и вернулся в Москву спокойным и невозмутимым, миролюбивым, но уверенным в бою. Крестьяне полюбили его и дали ему имя.

Александр Пересвет.

После странствований Саша хотел вернуться в лавру, чтобы принять невозвратные обеты и обрести мир среди лесов, ручьев и заснеженных полей в глуши. Но один из обетов касался постоянства места, и Саша понял, что пока что не может жить оседло. Бог звал его в путь. Или в крови его было пламя. Мир

был большим и полным бед, и юный великий князь нуждался в поддержке двоюродного брата. Поэтому Саша вновь покинул монастырь, с мечом и на коне, чтобы вступить в княжеский совет. Он странствовал по Руси, исцелял, наставлял и молился.

Но он никогда не забывал о лавре. Она была его домом. Ослепительная летом, осененная голубыми тенями зимой и изобилующая тишиной.

Но на этот раз, когда брат Александр пересек деревянные ворота, его встретил шум и гвалт. Люди и собаки, куры и дети теснились на снегу между зданиями. Повсюду горели костры для приготовления пищи. Саша замер и удивленно посмотрел на Сергия.

Старик-монах лишь передернул плечами. Только теперь Саша заметил темные круги под его глазами и скованность в походке. Сергий не отказался, когда Саша подал ему руку для опоры.

Дмитрий, шагая подле Сергия с другой стороны, озвучил мысли брата Александра:

– Сколько людей.

– Они постучались в наши ворота восемь дней назад, – отозвался Сергий. Свободной рукой он благословлял всех людей на своем пути. Некоторые выбегали вперед и целовали край его одеяния. Сергий улыбался всем, но его взгляд был усталым. – Люди говорят, что на них напали разбойники, только они не были похожи на разбойников. Воры искали, чего бы выпить, и хватали чужое добро, а эти люди спалили деревни неистовым пламенем. Они вглядывались в лица девочек и выбирали нужных. Выжившие пришли сюда, умоляя дать приют, – даже люди из несожженных мелких дворов и деревень. Я не мог им отказать.

– Я прикажу привезти зерна из Москвы, – заявил Дмитрий. – Пришлю охотников, чтобы вы могли накормить всех. И мы убьем этих разбойников.

Разбойники могли быть чудищами из легенд, ведь они их так и не увидели, но князь промолчал об этом.

– Сначала нужно осмотреть лошадей, – предложил Саша, бросив взгляд на изнуренного Тумана, который неподвижно стоял в снегу. – И посоветоваться.

* * *

Трапезная была низкой и полутемной, как и все здания в холодных землях, но в отличие от трапезных во многих монастырях, здесь была хорошая печь. Саша вздохнул, почувствовав, как согреваются руки и ноги.

Дмитрий увидел накрытый стол и тоже вздохнул, но безрадостно. Ему бы хотелось отведать жирного мяса, долго томившегося в раскаленной печи. Но Сергей строго соблюдал пост.

– Первым делом нам следует укрепить стены, прежде чем продолжить поиски, – заявил Саша, отодвинув в сторону вторую миску пустых щей.

Дмитрий жевал хлеб и сушеную вишню. Он доел суп скорее из уважения.

– Они не нападут на нас здесь, – пробурчал он. – Монастырь – священное место.

– Возможно, – согласился Саша. Но он еще не забыл о своем долге путешествии в Сарай. – Но татары молятся другому богу. Я думаю, что эти разбойники безбожны.

Дмитрий проглотил горсть вишни и практически заметил:

– И что? У монастыря хорошие стены. Разбойники воруют все, что плохо лежит, и они не решатся на осаду зимой.

Но на его лице мелькнуло сомнение. Храбрый, но равнодушный Дмитрий все же любил лавру и еще не забыл запах спаленных деревьев.

– Уже темнеет, – сказал великий князь. – Давайте осмотрим стену.

Стены лавры строились медленно: по толщине они были как два дубовых ствола. Их могли пробить лишь осадные орудия. Но ворота следовало бы укрепить.

Дмитрий отдал приказы и отправил своих людей копать и размораживать огромные ведра земли. Земля могла пригодиться для тушения огня.

– Что ж, мы сделали все, что могли, – заявил великий князь с наступлением темноты. – Завтра отправим отряд на поиски.

* * *

Но отряд остался в монастыре. Всю ночь шел сильный снег, и рассвет был серым и опасным. С первым лучом солнца в лесу показалась огромная, бесформенная фигура всадника на гнедом коне.

– Монастырь! Ворота! Впустите нас! Они идут! – закричал он. Юный наездник был не один: под съехавшим плащом в его руках были три маленькие девочки.

В тот день на посту снова был брат Родион.

– Кто ты? – крикнул он мальчику, пытаюсь рассмотреть чужаков со стены.

– Неважно! – закричал тот. – Я пробрался в лагерь и забрал их. – Он показал рукой на девочек. – Теперь за мной гонятся разъяренные разбойники. Если вы не впустите меня, возьмите хотя бы девочек. Или вы не человек Божий?

Дмитрий услышал крики. Он тут же поднялся по лестнице на стену, чтобы разглядеть наездника. У того было свежее юное лицо без бороды, большие глаза. Точно не воин. Он говорил грубо, как деревенский мальчишка. К нему жались девочки, наполовину замерзшие, наполовину потерянные от страха.

– Впустить их, – приказал князь.

Гнедой жеребец остановился во дворе монастыря, и монахи тут же закрыли скрипящие ворота на засов. Всадник аккуратно опустил девочек на землю и затем спрыгнул сам.

– Они замерзли, – сказал он. – И напуганы. Их нужно отвести в баню или посадить у печи. И покормить.

Увидев деревенских женщин, девочки прижались к своему спасителю. Саша подошел к ним. Шум привлек его внимание, и он слышал последние слова незнакомца.

- Ты видел этих разбойников? - спросил он. - Где они?

Наездник уставился зелеными глазами на Сашу и застыл. Тот резко остановился, словно влетел в дерево.

В последний раз он видел это лицо восемь лет назад. Хотя с тех пор оно повзросло и губы стали полнее, но Саша немедленно узнал его.

Он бы удивился меньше, если бы столкнулся с лешим. Наездник уставился на него с открытым ртом. Затем он - она - просияла.

- Саша!

- Боже, Вася, что ты здесь делаешь?

Часть II

6

На краю света

Несколькими неделями ранее девушка сидела на гнедом жеребце на краю еловой чащи. Шел снег: снежинки застывали на ресницах девушки и гриве коня. В доме посреди ельника у открытой двери стоял мужчина. Отблески пламени позади него делали его глаза бездонными и скрывали лицо в тени.

- Входи, Вася, - сказал он. - Холодно.

Если бы снежная ночь могла говорить, у нее бы был такой голос.

Девушка глубоко вдохнула, чтобы ответить, но жеребец уже шагнул вперед. В глубине ельника ветви сплетались так густо, что девушка не могла ехать верхом. Она с трудом прыгнула на землю и пошатнулась от боли, пронзившей замерзшие ноги. Лишь сила духа и рука на лошадиной гриве не дали ей упасть.

- Пресвятая Дева, - прошептала она.

Девушка споткнулась о корни дерева, склонилась к порогу и едва не упала, но мужчина поймал ее. Вблизи его глаза уже не казались черными: они были бледно-голубыми - цвета льда в ясный день.

- Дура, - пробормотал мужчина, придерживая ее. - Трижды дура, Василиса Петровна. Входи.

Он поставил девушку на ноги. Василиса - Вася - открыла было рот, передумала и шагнула через порог, раскачиваясь, как жеребенок.

Дом скорее напоминал густой ельник, чем жилище, а темнота облаков и неровного лунного света заполняла пространство у крыши. Тени ветвей бегали по полу, но стены казались довольно крепкими.

В дальнем углу дома стояла огромная русская печь. Вася вслепую пошла к ней, сняла варежки, протянула руки к огню и поежилась, почувствовав жар холодными пальцами. За печью стояла высокая белая кобылица. Она лизала соль. В знак приветствия кобылица обнюхала Васю, и девушка с улыбкой прижалась щекой к ее носу.

Василиса Петровна не была красавицей. «Слишком высокая, - говорили женщины, когда она подросла. - Очень высокая. И тощая, фигура, как у мальчишки».

«Рот как у лягушки, - ехидно добавляла мачеха. - И какой мужчина возьмет девушку с таким подбородком? И глазами, как у...»

По правде говоря, мачеха не могла подобрать слова ни для Васиных глаз – зеленых и глубоких, широко посаженных, ни для ее длинной черной косы, которая сверкала на солнце красноватыми отблесками.

«Пусть не красавица, – эхом вторила няня Васи, которая очень любила девочку. – Зато притягивает взгляды. Как ее бабушка».

Старушка всегда осеняла себя крестом, говоря это: бабушка Васи умерла несчастной.

Жеребец вошел в дом вслед за девушкой и важно огляделся. Часы, проведенные в ледяном лесу, его не утомили. Он подошел к девушке, сидевшей у печи. Белая кобылица тихо фыркнула.

Вася улыбнулась и почесала шею коня. На нем не было ни седла, ни узды.

– Мы отлично справились, – пробормотала девушка. – Я не была уверена, что мы найдем его.

Жеребец довольно потрянул гривой.

Вася, благодарная за его силу, сняла с пояса нож и начала соскабливать лед с копыт коня.

Злобный порыв зимнего ветра ударил в дверь.

Вася резко выпрямилась, жеребец захрапел. Дверь была закрыта, и буря должна была миновать, однако тени деревьев по-прежнему дрожали на полу.

Мгновенье хозяин дома постоял в дверях, а затем повернулся к Васе. В его волосах запутались снежинки. Вокруг него была беззвучная сила, как у снега, что падал в лесу.

Жеребец прижал уши.

– Несомненно, ты расскажешь, Вася, почему рисковала жизнью в третий раз, сбежав в дремучий лес зимой, – молвил мужчина.

Он пересек комнату и встал в свете печи, чтобы девушка могла видеть его лицо.

Вася сглотнула. Хозяин дома выглядел как человек, но его выдавали глаза. Когда он впервые вошел в тот лес, девушки звали его по-другому.

«Если начнешь его бояться, ты никогда не перестанешь», – подумала Вася. Она выпрямилась, но слова застряли у нее в горле. Печаль и усталость прогнали их, и она могла лишь стоять с открытым ртом: незваная гостья в доме, которого нигде не было.

Ледяной демон сухо добавил:

– Ну? Мачехе не понравились цветы? На сей раз решила поймать жар-птицу? Или златогривую кобылицу?

– Как вы думаете, почему я здесь? – выдавила Вася. Слова Морозко причинили ей боль. В ту ночь она распрощалась со своим братом и сестрой. Ее отец лежал в могиле в промерзшей земле, и рыдания обезумевшей сестры преследовали ее в лесу. – Я не могла остаться дома. Люди называли меня ведьмой. Кое-кто даже хотел бы сжечь меня. Отец... – Она осеклась, но продолжила: – Теперь не сможет защитить меня от них.

– Какая печальная история, – равнодушно ответил ледяной демон. – Я видел в десятки тысяч раз печальнее, но ты единственная пришла ко мне на порог. – Он пододвинулся поближе к девушке. Пламя озарило его бледное лицо. – Ты хочешь остаться у меня? Так ведь? Стать снежной девой этого вечного леса?

Вопрос был отчасти насмешкой, отчасти приглашением и был полон легкой насмешки.

Вася вспыхнула и отпрянула.

– Ни за что! – воскликнула она. Ее руки понемногу согревались, но губы все еще были замерзшими и жесткими. – Что мне делать здесь, в ельнике? Я уйду. Поэтому я и покинула дом, чтобы уехать далеко. Соловей отвезет меня на край земли. Я увижу дворцы, города и летние реки, взгляну на солнце над морем.

Она сняла капюшон из овчины, руки нервно подрагивали. Пламя вспыхивало красным на ее черных волосах.

Глаза Морозко потемнели, но Вася этого не заметила. Она, наконец, могла свободно говорить, словно ее слова прорвали невидимую плотину.

– Ты показал мне, что в мире есть не только одна церковь, баня и леса моего отца. Я хочу повидать мир. – Ее сияющий взгляд смотрел сквозь Морозко. – Я хочу все увидеть. В Лесном Краю для меня ничего нет.

Ледяной демон опешил. Он отвернулся и опустился на стул у печи, похожий на дубовый пенек.

– Тогда почему ты здесь? – спросил он. Он перевел взгляд на тени на потолке, широкую кровать, похожую на сугроб, русскую печь, лубки на стенах, резной стол. – Я не вижу ни дворцов, ни городов, и уж точно солнца над морем.

Теперь замолчала Вася и покраснела.

– Однажды ты предложил мне приданое... – начала она.

Свертки с дорогими тканями и драгоценностями все еще лежали грудой в углу комнаты, словно богатства змия. Морозко встретился с девушкой взглядом и холодно улыбнулся:

– Насколько я помню, ты отказалась от него и убежала.

– Потому что я не хочу выходить замуж, – пояснила Вася. Слова прозвучали странно, когда она их произнесла. Женщина выходила замуж. Или становилась монахиней. Или умирала. В этом заключалось ее предназначение. Каким же было предназначение Васи? – Но я не хочу вымалывать свой хлеб в церквях. Я пришла спросить... можно мне взять немного того золота?

В комнате воцарилась тишина. Морозко склонил голову, оперся руками на колени и недоверчиво спросил:

– Ты пришла сюда, куда никто никогда не приходил без моего позволения, чтобы попросить золото для своих скитаний?

«Нет, – хотела ответить Вася. – Не поэтому. Не только поэтому. Я боялась, когда ушла из дома, и я хотела увидеть тебя. Ты знаешь больше меня, и ты был добр ко мне». Но девушке не хватило духа сказать это.

– Что ж, – ответил Морозко, откинувшись на спинку стула. – Все это твое. – Он кивнул в сторону сокровищ. – Можешь отправляться на край земли, одетая как княгиня, со спрятанным в гриве Соловья золотом.

Вася не ответила, и он добавил с натянутой вежливостью:

– Нужен ли тебе обоз? Или Соловей потащит все, словно бусины на нитке?

Вася постаралась сохранить достоинство:

– Нет. Я возьму лишь то, что можно легко унести и не привлечь воров.

Бледный, бесстрастный взгляд Морозко скользнул по девушке от ее спутанных волос до ног в сапогах. Вася старалась не думать о том, как она выглядит: дитя с ввалившимися глазами, бледным и грязным лицом.

– И что потом? – задумчиво спросил ледяной демон. – Ты набьешь свои карманы золотом, уедешь завтра на рассвете и замерзнешь до смерти? Нет? Или, возможно, проживешь пару дней, а потом кто-нибудь убьет тебя ради коня или обесчестит из-за твоих зеленых глаз? Ты ничего не знаешь об этом мире, а собираешься уйти и погибнуть?

– Что еще мне остается? – воскликнула Вася. В ее глазах заблестели слезы растерянности и усталости, но она сдержалась. – Мои люди убьют меня, если я вернусь домой. Уйти в монастырь? Нет, я этого не вынесу. Лучше умереть в пути.

– Многие так говорят, пока не придет время умирать, – возразил Морозко. – Хочешь умереть в одиночестве в лесной глуши? Возвращайся домой. Твои люди забудут обо всем, обещаю. Все будет как прежде. Возвращайся домой, и твой

брат защитит тебя.

Неожиданно гнев выжег скопившуюся обиду Васи. Она отодвинула стул и резко поднялась.

– Я не собака, – огрызнулась она. – Ты можешь велеть мне идти домой, но я могу отказаться. Думаешь, я хочу лишь богатое приданое и мужчину, который заставит меня рожать детей?

Морозко был едва ли выше нее, однако Вася застыла под его бледным пронзительным взглядом.

– Ты рассуждаешь как дитя. Думаешь, в твоем мире кому-то есть дело до твоих желаний? Даже князя не получают того, что хотят, и тем более девушки. Ты не выживешь в пути, рано или поздно тебя ждет смерть.

Вася кусала губы.

– Думаешь, я... – с жаром начала она, но жеребец, услышав ярость в ее голосе, потерял терпение. Он перегнулся через плечо хозяйки, и его зубы лязгнули на расстоянии пальца от лица Морозко.

– Соловей! – вскрикнула Вася. – Что ты?..

Она попыталась отпихнуть его, но конь не сдвинулся с места.

«Я укушу его», – заявил жеребец. Он бил хвостом по бокам и царапал копытом деревянный пол.

«Он истечет водой и превратит тебя в снег, – сказала Вася, по-прежнему отталкивая его. – Не глупи».

– Уходи, глупый буйвол, – посоветовал Морозко.

Соловей не шевельнулся, но Вася приказала ему:

– Уходи.

Он посмотрел на девушку, щелкнул языком, неискренне извиняясь, и отвернулся.

Напряжение в комнате пропало.

– Да, я не должен был говорить так, – вздохнул Морозко. Едкие нотки пропали из его голоса. Он снова опустил на стул. Вася замерла. – Но... дом в лесу – не место для тебя, уже тем более дорога. Ты не должна была найти мой дом, даже с Соловьем, после того как... – Он встретился с Васей взглядом, резко замолчал, но продолжил: – Твое место – среди людей. Я оставил тебя в безопасности под присмотром твоего брата. Медведь спит, священник сбежал в лес. Разве тебе мало этого? – В его вопросе почти чувствовалась мольба.

– Да, – кивнула Вася. – Я ухожу. Я увижу мир за этим лесом, чего бы мне это ни стоило.

Морозко рассмеялся, тихо и неохотно:

– Очень хорошо, Василиса Петровна. Мне еще никогда не перечили в моем доме.

«А самое время», – подумала она, но вслух ничего не сказала. Что-то изменилось в нем с той ночи, когда он спас ее от Медведя. Но что? Глаза стали светлее? Или черты лица четче?

Вася неожиданно смутилась. В комнате снова стало тихо. В этом молчании вся скопившаяся усталость дала о себе знать. Она словно ждала, пока Вася расслабится. Девушка прислонилась к столу, чтобы не упасть.

Морозко заметил это и встал.

– Переночуешь сегодня здесь. Утро вечера мудренее.

– Я не могу спать, – возразила Вася. Конечно, ей жутко хотелось заснуть: она держалась на ногах лишь благодаря столу. В ее голос закрались нотки ужаса. – Медведь поджидает меня во снах, и Дуня, и отец. Я лучше не буду спать.

Она чувствовала на его коже запах зимней ночи.

– Я могу дать тебе хотя бы это, – сказал Морозко. – Ночь спокойного сна.

Вася колебалась, измученная, недоверчивая. Его руки могли дать сон. Но то был странный глубокий сон – брат смерти. Она ощущала на себе его взгляд.

– Нет, – неожиданно сказал Морозко. – Нет. – Резкость в его голосе удивила Васю. – Нет, я не буду тебя трогать. Ты заснешь сама. Увидимся утром.

Он развернулся и что-то шепнул своей лошади. Вася услышала стук копыт и обернулась, но Морозко и его белой кобылицы уже не было.

* * *

Слуги Морозко не были невидимыми. Краем глаза Вася порой замечала резкое движение или темную фигуру. Иногда она даже успевала обернуться и разглядеть лицо: морщинистое, словно кора дуба, с вишневым румянцем или серое и хмурое, как гриб. Но у Васи не получалось увидеть их, когда она искала специально. Они передвигались между вдохом и выдохом, между взмахами ресниц.

После того, как Морозко исчез, его слуги накрыли для Васи стол, пока она боролась с усталостью: грубый хлеб и каша, сушеные яблоки. Миска чудесных зимних ягод, усыпанных листьями падуба. Медовуха, бражка и ледяная вода.

– Спасибо, – сказала девушка в ожившей тишине.

Вася съела все, что смогла, преодолевая усталость. Крошки она скормила прожорливому Соловью. Когда девушка наконец отставила миску, то увидела, что угли в печи исчезли. Слуги Морозко подготовили для нее баню.

Вася скинула холодную и мокрую одежду и забралась в печь, царапая колени о кирпичи. Она перевернулась, испачкав живот пеплом, и легла, уставившись в пустоту.

Зимой было почти невозможно оставаться спокойным. Даже сидя у печи, следя за углями, помешивая суп, человек боролся – всегда – с сильным морозом. Но гудящий жар и мягкое дыхание пара успокоило Васю. Ледяной узел печали внутри нее ослаб. Она лежала на спине с открытыми глазами, и слезы бежали по ее вискам, смешиваясь с потом.

Когда жар стал невыносимым, Вася выскочила из печи и с визгом бросилась в снег. Когда она вернулась домой, то дрожала, но была бодрой и живой. Она впервые чувствовала себя настолько спокойной за последние месяцы.

Невидимые слуги Морозко приготовили для нее платье – длинное, свободное и легкое. Вася надела его, легла в огромную кровать с покрывалами, похожими на свежий снег, и в один миг уснула.

* * *

Как она и боялась, она видела сны, и сны эти не были добрыми.

Она не видела Медведя, или мертвого отца, или мачеху с перерезанным горлом. Она блуждала по узкому темному месту, в котором пахло пылью и остывшим ладаном, а луна отбрасывала на нее свой свет. Она долго шла, путаясь в платье, и постоянно слышала всхлипывания невидимой женщины.

«Почему вы плачете? – кричала Вася. – Где вы?»

Ответом были сдавленные рыдания. Вдалеке Вася увидела белую фигуру и поспешила к ней.

«Подождите...» – крикнула она.

Белая фигура обернулась.

Вася отпрянула в сторону, увидев белую плоть, высохшие глазницы и черный рот, неестественно большой. Существо распахнуло его и прохрипело: «Не ты! Никогда... уходи! Уходи! Оставь меня... Оставь...»

Вася побежала, закрыв уши руками, и резко проснулась. Она обнаружила себя в лесном доме, сквозь окна которого пробивался утренний свет. Воздух, пропитанный ароматом хвои, охлаждал ее лицо, но не проникал под белоснежные покрывала. Силы Васи вернулись за ночь. «Сон, – подумала она, тяжело дыша. – Просто сон».

Раздался скрежет копыта по дереву, и к лицу девушки прижалась мохнатая морда.

– Перестань, – сказала Вася Соловью и натянула одеяло на голову. – Немедленно перестань. Смешно такому зверю вести себя, как собака.

Соловей невозмутимо мотнул головой. Он дохнул теплом на ее лицо. «Уже день, – сказал он. – Вставай!» Жеребец тряхнул гривой и зубами стащил покрывала. Вася попыталась удержать их, но было поздно. Она вскрикнула и со смехом выпрямилась на кровати.

– Дурак, – сказала она, но все же встала. Ее коса растрепалась, и волосы свободно струились по спине; тело было легким, а голова ясной. Боль печали и гнева, плохие сны умолкли в ее разуме. Вася отогнала кошмары и улыбнулась красоте спокойного утра и солнечного света, заливавшего пол.

Соловей, вспомнив о достоинстве, побрел обратно к печке. Вася проследила за ним взглядом. Она хотела было рассмеяться, но замерла. Еще до рассвета Морозко со своей белой кобылицей вернулся домой.

Кобылица спокойно стояла и жевала сено. Морозко смотрел на пламя и не обернулся, когда Вася встала. Она подумала о долгих безликих годах его жизни. Сколько ночей он просидел у печи в одиночестве? Или он всегда блуждал по глуши и создал дом с крышей, стенами и печью, лишь чтобы порадовать ее?

Вася подошла к печи. Лишь тогда Морозко обернулся, и его отстраненный лик просветлел.

Вася неожиданно покраснела. Ее волосы спутались, как у ведьмы, она стояла босая. Похоже, Морозко заметил это, потому что резко отвел взгляд.

- Кошмары? – спросил он.

Вася рассердилась, и скромность утонула в негодовании.

- Нет, – с достоинством ответила она. – Я спала прекрасно.

Морозко выгнул бровь.

- У тебя есть гребень? – спросила Вася, чтобы отвлечь его.

Он явно не ожидал такого вопроса. Наверное, Морозко редко принимал гостей, особенно девиц со спутанными волосами, голодных или мучившихся кошмарами. Но затем на его лице мелькнула тень улыбки, и он дотронулся рукой до пола.

Полы были деревянными. Конечно, так оно и было – из темного блестящего дерева. Но когда Морозко выпрямился, он держал в руках пригоршню снега. Ондохнул на нее, и снег превратился в лед.

Пораженная Вася склонилась над ним. Своими тонкими длинными пальцами Морозко мял лед, словно тот был глиной. Его лицо сияло от радости создания. Через несколько минут он держал в руках гребень, который словно вырезали из бриллиантов. Он напоминал по форме лошадь с длинной гривой, струящейся по спине.

Морозко вручил гребень Васе. Шерсть на спине коня, сделанная из ледяных кристаллов, царапнула ее мозолистые пальцы.

Вася покрутила красивую вещицу в руках.

- Он не сломается? – спросила она.

Гребень был холодным, как камень, и идеально лежал в ее руке.

Морозко откинулся на спинку стула.

- Нет, – ответил он.

Вася нерешительно провела гребнем по спутанным волосам. Он легко скользил по ним, аккуратно распрямляя. Васе казалось, что Морозко наблюдал за ней. Но сколько бы она ни бросала на него взгляд, тот всегда смотрел на огонь. Наконец, волосы были уложены в идеальную косу и перетянуты кожаным шнурком.

– Спасибо.

Гребень растаял в ее руках. Вася молча уставилась на пол, куда стекла вода.

– Пустяки, – пожал плечами Морозко. – Поешь, Вася.

Вася не видела его слуг, но на столе появился горшочек с кашей, золотой от меда и масла, и деревянная миска. Она села, положила в миску дымящуюся кашу и набросилась на нее, словно пыталась съесть все, что не смогла осилить прошлой ночью.

– Куда ты собираешься идти? – спросил Морозко, пока она ела.

Вася моргнула. «Далеко». Но она еще не думала, куда именно.

– На юг, – медленно сказала она. Пока она говорила, она разглядела ответ. Ее сердце бешено забилось. – Я хочу увидеть церкви Царьграда и море.

– Значит, юг, – повторил Морозко. К удивлению Васи, он не стал возражать. – Тебя ждет долгий путь. Не загоняй Соловья. Он сильнее смертного коня, но еще молод.

Вася удивленно посмотрела на него, но его лицо ничего не выражало. Тогда она повернулась к лошадям. Белая кобылица спокойно стояла. Соловей уже съел свое сено, смешанное с ячменем. Теперь он крался к столу, поглядывая на кашу. Вася начала быстро есть, чтобы опередить его.

Не глядя на Морозко, она спросила:

– Ты проедешь немного со мной?

Этот вопрос вырвался случайно, и она тут же пожалела об этом.

- Ехать рядом, кормить кашей и сдерживать снег по ночам? – насмешливо спросил Морозко. – Нет. Даже если бы у меня не было дел, я бы этого не сделал. Отправляйся в мир, странница. Познай долгие ночи и тяжелые дни, вытерпи хотя бы неделю.

- Может, они мне понравятся, – пылко возразила Вася.

- Я очень надеюсь, что нет.

Вася не ответила. Она положила немного каши в миску и протянула Соловью.

- Так ты раскормишь его как племенную кобылу, – заметил Морозко.

Соловей опустил уши, но от каши отказываться не стал.

- Ему нужно наесться, – возразила Вася. – В пути он похудеет.

- Что ж, раз ты не передумала, у меня для тебя подарок, – заявил Морозко.

На полу у стола появились пухлые седельные сумы. Вася молча оглядела их.

- Зачем? – возразила она. – В том углу лежит мое прекрасное приданое. Да и золота хватит на все необходимое.

- Конечно, ты сможешь использовать золото из своего приданого, – спокойно ответил Морозко. – И тогда ты приедешь в незнакомый город верхом на сильном жеребце, одетая как русская княгиня, и купишь все, чего никогда не видела. Можешь нарядиться в белые меха и алый плащ, если хочешь, чтобы ни один вор на Руси не бедствовал.

Вася вскинула голову.

- Алому я предпочитаю зеленый, – сухо ответила она. – Но, возможно, ты прав.

Она протянула руку к мешкам и замерла.

- Ты спас мне жизнь в лесу, - продолжила Вася. - Предложил мне приданое. Ты пришел, когда я попросила тебя избавить нас от священника. Теперь это. Что ты хочешь взамен, Морозко?

Ледяной демон поколебался - лишь мгновение.

- Вспоминай обо мне иногда, - попросил он. - Когда расцветут подснежники и растает снег.

- И это все? - спросила она и, улыбаясь, добавила: - Как я могу забыть?

- Это проще, чем ты думаешь. И еще...

Морозко склонился над ней. Удивленная Вася не вздрогнула, но, когда Морозко провел рукой по ее ключицам, кровь предательски прилила к лицу. На ее шее висел сапфир, обрамленный серебром. Морозко потянул цепочку с камнем к себе. Это украшение Васе подарил отец, ему его дала няня перед смертью. Среди всех своих вещей Вася больше всего дорожила этим украшением.

Морозко повертел в руках камень. Он отбрасывал бледный ледяной свет на его пальцы.

- Пообещай мне носить его, что бы ни случилось, - велел он.

Затем он отпустил цепочку.

Вася все еще чувствовала прикосновение его руки, но упорно старалась игнорировать это. Она разозлилась: ведь Морозко не был живым. Он был одиноким и непостижимым существом черного леса и бледного неба. Что он сказал?

- Почему? - спросила Вася. - Этот камень мне дала няня. Подарок моего отца.

- Это талисман, - ответил Морозко. Казалось, он осторожно подбирал слова. - Он может защитить тебя.

– Защитить от чего? – спросила Вася. – И какое тебе дело?

– Что бы ты ни думала, я не хочу забирать твое бездыханное тело из глуши, – холодно парировал Морозко. Легкий, но пронизывающий ветер поднялся в комнате. – Откажешь мне в просьбе?

– Нет, – ответила Вася. – Я и так хотела носить его.

Она прикусила губу и быстро отвернулась, чтобы развязать первую суму.

Там была одежда: плащ из волчьей шкуры, кожаный капюшон, шапка на заячьем меху, валяные и отороченные мехом сапоги, шерстяные штаны на овечьей шерсти. В другой суме была еда: сушеная рыба и хлеб, бурдюк медовухи, нож и горшок для воды. Все, что ей понадобится для долгих странствий по холодной стране. Вася уставилась на эти вещи с таким восторгом, какого у нее не вызывало ни золото, ни драгоценности из приданого. Эти вещи были свободой. Василиса Петровна, высокородная дочь Петра, никогда бы не получила их. Они принадлежали кому-то другому, более сильному и чуждому. Вася подняла взгляд на Морозко: ее лицо сияло. Возможно, он понимал ее лучше, чем она думала.

– Спасибо, – пробормотала Вася. – Я... благодарю тебя.

Морозко склонил голову, но промолчал.

Ей было все равно. В мешке она также нашла необычное седло, похожее скорее на плотную ткань. Она еще никогда не видела таких. Вася радостно подпрыгнула и побежала к Соловью.

* * *

Оседлать коня оказалось не просто. Соловей никогда не носил седла, даже такого легкого, и он не очень обрадовался.

– Оно тебе нужно, – в отчаянии закричала Вася после долгих и бесплодных попыток. «Как же я стану смелой и уверенной странницей?» – подумала она.

Соловей по-прежнему сопротивлялся. Морозко наблюдал за ними, стоя в дверях. Вася почувствовала его веселый взгляд.

– Что случится, если мы проведем недели в пути? – спросила Вася у Соловья. – У нас появятся ссадины. Да и как мы повезем сумы? В них ведь и твое зерно тоже. Или ты хочешь питаться хвоей?

Соловей фыркнул и исподтишка посмотрел на сумы.

– Хорошо, – процедила Вася. – Можешь возвращаться туда, откуда пришел. Я пойду пешком.

Она направилась к двери, но Соловей бросился вперед и перегородил ей путь.

Вася пристально посмотрела на него и толкнула, но огромный, цвета дубового дерева зверь даже не сдвинулся. Она скрестила руки на груди и нахмурилась.

– И что же ты предлагаешь? – спросила она.

Соловей посмотрел сначала на нее, потом на сумы. Он понурил голову. «Ну ладно», – недовольно согласился он.

Собираясь в путь, Вася старалась не смотреть на Морозко.

* * *

Она ушла тем же утром, когда солнце развеяло туман и усыпало бриллиантами свежесвыпавший снег. Мир за пределами ельника казался огромным и бесформенным, почти безопасным.

– Я не чувствую себя странницей, – тихо призналась Вася. Она и Морозко стояли возле ельника. Соловей, аккуратно оседланный, ждал ее. На его морде застыло странное выражение – не то нетерпения, не то раздражения. Ему не нравились сумы, свисающие по бокам.

– Так бывает со многими странниками, – ответил ледяной демон. Он вдруг положил руки ей на плечи, укрытые мехом. Их взгляды встретились. – Оставайся в лесу. Так будет безопаснее. Избегай поселений людей и не разводи большие костры. Если с тобой кто-нибудь заговорит, представься мальчиком. Мир не добр к одиноким девушкам.

Вася кивнула. Слова дрожали у нее на губах. Она не могла разгадать выражение его лица.

– Пусть странствия принесут тебе радость, – вздохнул он. – А теперь ступай, Вася.

Морозко посадил девушку на коня, и теперь Вася смотрела на него сверху вниз. Внезапно он показался ей не человеком, а скорее скоплением теней в форме человека. Было в его лице что-то, чего она не понимала.

Она открыла было рот, желая что-то сказать.

– Иди! – крикнул он и шлепнул Соловья по крупу. Жеребец фыркнул и бросился вперед.

7

Страница

И вот Василиса Петровна, убийца, спасительница, потерянное дитя, уехала из дома в елях. Первый день пролетел, как приключение: дом остался позади, а впереди ждал целый мир. Шли часы, тревога сменилась восторгом. Она отмахнулась от неприятных следов боли и растерянности. Сильному Соловью любое расстояние было нипочем. Еще не прошла половина дня, а Вася уехала от дома так далеко, как никогда: каждая яма, вяз и снежный сугроб казались незнакомыми. Вася мчалась вперед, а когда замерзала, то шла пешком. Соловей нетерпеливо трусил рядом.

День медленно тянулся, и наконец зимнее солнце склонилось к западу.

В сумерках Вася остановилась под огромной елью, окруженной сугробами. Полутьма окрасила снег в голубой, было очень холодно.

– Здесь? – спросила Вася, соскользнув со спины жеребца. У нее болели нос и пальцы. Она выпрямилась и лишь тогда поняла, насколько устала и окоченела.

Конь повел ушами и поднял голову. «Здесь безопасно», – сказал он.

Вася все детство провела в лесу. Зима в ее краях длилась семь месяцев, поэтому она знала, как выжить в лесу. Но ее сердце внезапно сжалось от мысли, что она проведет в одиночестве эту ледяную ночь, следующую и все остальные. Вася шмыгнула носом. «Ты сама так решила, – напомнила она себе. – Теперь ты странница».

Тени обнимали лес своими руками: свет был сине-фиолетовым, и деревья казались ненастоящими.

– Заночуем здесь, – решила Вася, стягивая с Соловья седло. Она храбрилась, хотя не чувствовала себя уверенно. – Я разведу огонь. Следи, чтобы нас никто не съел.

Она раскопала снег у дерева, вырыла нору для ночлега в корнях и расчистила землю для костра. Зимние сумерки быстро перешли в ночь, как это происходит на севере. Не успела Вася подготовить хворост для костра, как уже стемнело. В темноте, освещенной звездами, до восхода луны, она срезала пару еловых веток, как ей однажды показал брат, и воткнула их в снег, чтобы не выпускать тепло из укрытия.

Вася разводила костры с тех пор, как могла взять в руки кремень. Но теперь ей пришлось снять варежки, и ее пальцы быстро замерзли.

Наконец, хворост загорелся, заревело пламя. Вася вползла в свое вырытое укрытие: было холодно, но терпимо. Вода, вскипяченная с хвоей, согрела ее. Черный хлеб, поджаренный с твердым сыром, утолил ее голод. Вася обожглась, ее ужин подгорел, но она все сделала сама и поэтому гордилась собой.

Вскоре, согревшись от еды и тепла, Вася выкопала ямку в размякшей от тепла земле, наполнила ее углями и засыпала еловыми ветвями. Она укуталась в плащ и мешок на заячьем меху, легла на ветви и с радостью поняла, что теперь ей тепло. Соловей уже дремал. Он водил ушами, прислушиваясь к ночному лесу.

Веки Васи отяжелели: она была юной и уставшей. Сон был на пороге.

В эту секунду она услышала смех в ветвях.

Соловей вскинул голову.

Вася с трудом вылезла из укрытия и нащупала нож на поясе. Ей показалось, или во тьме сияли чьи-то глаза?

Вася не звала существо – она не была так глупа. Она молча уставилась в еловые ветви и смотрела до тех пор, пока глаза не начали слезиться. Нож казался холодным и ничтожно жалким в ее руке.

Тишина. Может, ей показалось?

Затем Вася снова услышала смех. Она бесшумно попятилась и выхватила из костра горящую ветку, держа ее близко к земле.

Затем послышался глухой удар. Еще один удар – и на корни ели спрыгнула женщина.

Или не женщина. Волосы и глаза этого существа были призрачно-бледными, кожа сияла, словно зимняя полночь. На нем был плащ цвета сна, но голова, руки и ноги оставались голыми. Пламя отбрасывало красные блики на его странное, но симпатичное лицо. Казалось, существо не обращало внимания на мороз. Кто это – ребенок? Черт в женском облике. Ночной дух. Вася почувствовала облегчение, но насторожилась.

– Бабушка? – осторожно сказала она, опустив горящую ветку. – Вы – желанный гость у моего костра.

Существо выпрямилось. Его глаза казались холодными и бледными, словно звезды, но рот растянулся в радостной, детской улыбке.

– Вежливый странник, – беспечно сказала оно. – Мне стоило этого ожидать. Убери ветку, дитя, она тебе не понадобится. Да, я посижу у твоего огня, Василиса Петровна.

С этими словами чертовка уселась в снег у костра и оглядела Васю с головы до ног.

– Ну же! Я пришла к тебе. Можно хотя бы предложить мне вина.

После недолгих сомнений Вася протянула гостю бурдюк с медом. Она была не настолько глупа, чтобы обижать существо, которое будто упало с небес, но...

– Вы знаете мое имя, бабушка, – рискнула Вася. – Но я не знаю вашего.

Улыбка не сходила с губ существа.

– Меня зовут Полуночницей, – сказала она, выпив мед.

Вася испуганно отпрянула. Соловей, наблюдавший за ними, прижал уши. Няня Васи, Дуня, рассказывала детям истории о двух сестрах-дьяволицах, Полуночнице и Полуденнице. Ни одна из этих историй не заканчивалась для одиноких путников благополучно.

– Почему вы пришли? – спросила Вася, тяжело дыша.

Полуночница рассмеялась, устроившись поудобнее в сугробе у костра.

– Не бойся, дитя, – сказала она. – Тебе нужны нервы покрепче, раз ты собралась стать странницей. – Вася испуганно заметила острые зубы Полуночницы. – Меня прислали присмотреть за тобой.

– Прислали? – переспросила Вася. Она медленно опустилась на свое место у огня. – Кто?

- Много будешь знать – скоро состаришься, – весело ответила Полночица.

- Морозко? – спросила Вася, поколебавшись.

К ее огорчению, дьяволица фыркнула.

- Не думай, что он всемогущий. Бедный властелин зимы никогда не мог повелевать мной.

Ее глаза будто излучали свет.

- Но кто же тогда? – спросила Вася.

Полночица приложила палец к губам.

- Ах, я поклялась не говорить. Да и какая тогда будет тайна?

Полночица отхлебнула мед, бросила бурдюк Васе и встала. Пламя костра сверкало красным на ее волосах цвета луны.

- Что ж, один раз я к тебе явилась, – сказала она. – Я пообещала явиться трижды, так что еще увидимся. Хорошей дороги, Василиса Петровна.

С этими словами она исчезла в еловых ветвях.

- Я не... Подожди! – закричала Вася. Но Полночица уже ушла. Вася могла поклясться, что слышала фыркание чужого коня в темноте и тяжелый стук копыт. Но она ничего не видела. Затем лес затих.

Вася сидела у костра до тех пор, пока от него не остались раскаленные угли, но в ночной тишине не услышала ни одного звука. Наконец она убедилась снова лечь и попытаться заснуть. Она немедленно провалилась в сон и проснулась лишь на рассвете, когда Соловей просунул голову в ее укрытие и швырнул снег ей на лицо.

Вася улыбнулась жеребцу и протерла глаза. Выпив немного горячей воды, она взобралась на Соловья и поскакала прочь.

* * *

Прошло несколько дней, неделя, другая. Путь был тяжелым и очень холодным. Не все Васиные дни – и ночи – проходили так гладко, как первые. Она не встречала незнакомцев, и дьяволица не являлась к ней в ночи. Но у Васи подгорал ужин, она ударялась о ветки, обжигала пальцы и мерзла так, что приходилось ежиться у костра всю ночь. Было так холодно, что она не могла заснуть. Затем она простыла и два дня дрожала и задыхалась от собственного дыхания.

Но версты летели под копытами Соловья и оставались позади. Они двигались на юг, все южнее, но затем конь повернул на запад.

– Ты уверен, что знаешь, куда скачешь? – спросила Вася, но жеребец ее не слушал.

На третий день Васиной простуды, когда она упорно ехала вперед, с опущенной головой и блестящим, красным от мороза носом, лес кончился.

Точнее, между деревьями возникла необъятная река. Широкая полоска снега ослепила опухшие глаза Васи, когда они выехали из леса и огляделись.

– Должно быть, это санный путь, – прошептала она, моргая от вида припорошенного снегом льда.

– Волга, – добавила она, вспомнив рассказы братьев. Пологие сугробы с деревьями, утопающими в снегу, простирались по льду, испещренному полозьями. Заснеженный берег, деревья на котором утопали в наносах, переходил в снег, изрезанный полозьями.

Вася услышала слабый звон колокольчиков, и из-за поворота выехали сани, нагруженные доверху. Колокольчики висели на яркой упряжи лошадей, и неповоротливые мужчины, укутанные до глаз, ехали или бежали рядом, покрикивая на животных.

Вася с восторгом наблюдала за ними. Лица мужчин, насколько она могла увидеть, были красными, грубыми и бородатыми. Их руки в варежках уверенно сжимали вожжи. Кони были меньше Соловья, приземистыми, с жесткими гривами. Обоз поразил Васю своей скоростью, колокольчиками и лицами незнакомцев. Она родилась в маленькой деревушке, где все всех знали, а странники были большой редкостью. Вася не отрывала взгляда от обоза. Над деревьями показался дым множества очагов. Она никогда не видела столько огней в одном месте.

- Это Москва? - спросила Вася у Соловья, тяжело дыша.

«Нет, - возразил жеребец. - Москва больше».

- Откуда ты знаешь?

Конь лишь надменно опустил ухо. Вася чихнула. На санном пути появились другие люди - на этот раз всадники в алых шапках и расшитых сапогах. Дым повис над скелетами деревьев, словно огромное облако.

- Подойдем ближе, - решила Вася. За неделю, проведенную в глуши, она истосковалась по краскам и движению, лицам и голосам.

«В лесу безопаснее», - ответил Соловей, но его ноздри неуверенно дрогнули.

- Я хочу увидеть мир, - возразила Вася. - А мир - это не только лес.

Конь поежился.

- Мы будем осторожными, - пообещала девушка. - Если попадем в беду, ты сможешь убежать. Тебя ничто не остановит. Ты самый быстрый жеребец в мире. Я хочу посмотреть.

Конь замер в нерешительности, и Вася беспечно добавила:

- Или ты боишься?

Возможно, это было подло, зато сработало. Соловей вскинул голову и в два прыжка оказался на льду. Когда он бежал, его копыта издавали странный глухой звук.

Они шли по санному пути больше часа, дым впереди манил за собой. Несмотря на свою напускную смелость, Вася немного нервничала из-за того, что ее видят незнакомцы. Но вскоре она поняла, что на нее никто не смотрит. Зимняя жизнь была слишком тяжелой, чтобы утруждать себя вещами, которые тебя не касались. Один торговец со смешком предложил купить ее бравого жеребца, но Вася лишь покачала головой и подтолкнула Соловья вперед.

Яркое солнце поднялось высоко в бледном зимнем небе, когда они миновали последний поворот реки и увидели перед собой город.

Он был небольшим. Татары посмеялись бы и обозвали его деревней. Даже москвитянин посчитал бы его провинцией. Но Вася никогда не видела такого большого поселения. Деревянная стена были вдвое выше холки Соловья. Голубая колокольня горделиво возвышалась, окруженная дымом. Вася услышала громкий глубокий звон.

– Подожди, – сказала она Соловью. – Я хочу послушать.

Ее глаза сияли от восторга. Она никогда не слышала перезвона колоколов.

– Разве это не Москва? – переспросила Вася. – Ты уверен?

Ей казалось, что этот город вобрал в себя целый мир. Она и представить не могла, что в одном месте может находиться столько людей.

«Да, – ответил Соловей. – По меркам людей, это маленький город».

Вася не могла поверить. Вновь зазвенели колокола. Она почувствовала запахи конюшен, дыма и жареной птицы: запахи были слабыми из-за ее простуды.

– Я хочу войти, – заявила она.

Конь фыркнул. «Ты уже все увидела. Больше там ничего нет. Нам лучше вернуться в лес».

- Но я никогда не была в городе, - возразила девушка. - Я хочу увидеть этот.

Жеребец раздраженно бил копытом.

- Хотя бы чуть-чуть, - робко добавила Вася. - Прошу тебя.

«Лучше не надо», - ответил конь, но Вася поняла, что он почти сдался.

Она снова посмотрела на башни, окутанные дымом.

- Тогда жди меня здесь. Ты - ходячая приманка для воров.

«Вовсе нет», - оскорбился Соловей.

- С тобой я в большей опасности, чем без тебя! Вдруг кто-то захочет убить меня, чтобы заполучить тебя?

Жеребец рассерженно обернулся и укусил Васю за лодыжку. Что ж, ответ был ясен.

- Очень хорошо, - кивнула Вася. На мгновение она задумалась. - Пойдем. У меня есть идея.

* * *

Спустя полчаса капитан маленькой сонной заставы города Чудово увидел, как к нему идет мальчик. Тот был одет как купеческий сын и вел крупного молодого жеребца.

Вместо узды на коне был лишь веревочный недоуздок, и хотя жеребец был красивым и длинноногим, он шел по льду неуклюже, заплетаясь в собственных копытах.

– Эй, мальчик! – крикнул капитан. – Куда ты собрался с этим конем?

– Это конь моего отца, – ответил мальчик. Его голос был слегка застенчивым и выдавал сильный деревенский акцент. – Я хочу продать его.

– За такого калеку много не предложат, да еще и в такое время, – заявил капитан. Конь снова споткнулся, едва не упав на колени. Но капитан все же отметил его статную голову, короткую спину, длинные аккуратные ноги. Жеребец. Возможно, он просто хромал и даст сильное потомство. – Так и быть, я куплю его у тебя. Избавлю от проблем, – медленно добавил он.

Купеческий мальчик потряс головой. Он был стройным и невысоким, без намека на бороду.

– Отец разозлится, – ответил он. – Он сказал, что я должен продать коня в городе.

Капитан рассмеялся, услышав, что деревенский мальчишка так уверенно назвал Чудово городом. Наверное, не купеческий сын, а сын среднего боярина. Ребенок, выросший в небольшом поместье. Капитан пожал плечами. Он уже смотрел на обоз за мальчиком и его клячей: торговцы пушниной торопили лошадей, чтобы добраться до города засветло.

– Ну, тогда проходи, – раздраженно сказал он. – Чего ждешь?

Мальчик робко кивнул и провел коня через ворота. Странно, подумал капитан. Такой покорный жеребец на одной веревке. Но ведь он хромает, чего от него ждать?

Торговцы пушниной вышли к воротам, толкаясь и перекрикиваясь, и капитан быстро забыл о мальчике.

* * *

Улицы города петляли: они казались еще более странными, чем лес без троп. Вася небрежно держала Соловья за веревку, стараясь (но безуспешно) выглядеть равнодушно. Даже ослабившая ее простуда не могла заглушить вонь

сотен людей. От запаха крови и животных, потрохов и чего-то еще похуже у Васи слезились глаза. По улицам разгуливали козы. Рядом возвышалась церковь, колокола которой по-прежнему звенели. Женщины торопливо бежали мимо, их головы были покрыты яркими платками. Торговцы пирожками совали в руки прохожих свою выпечку, источавшую аппетитный аромат. Из кузницы шел пар, а звон молота по наковальне сливался с колоколами. Двое мужчин дрались в снегу под радостные крики толпы.

Вася прошла сквозь толпу, испуганная и заинтересованная. Люди расступались перед ней, увидев Соловья, который был готов лягнуть всех, кто его задевал на пути.

- Ты пугаешь людей, - шепнула Вася.

«Это хорошо, - ответил конь. - Я и сам напуган».

Вася пожала плечами и продолжила глазеть по сторонам. Дороги были вымощены расколотыми бревнами: долгожданное новшество позволяло идти уверенно. Улица петляла мимо гончарных лавок и кузниц, трактиров и изб и, наконец, привела на главную площадь.

Глаза Васи загорелись от восторга: на площади был рынок - первый в ее жизни. Торговцы тут и там выкрикивали свои товары. Ткани, пушнина и медная утварь, воск, пироги и копченая рыба...

- Оставайся здесь, - приказала Вася Соловью. Она привязала коня к столбу. - И следи, чтобы тебя не увели.

Кобылица с синей сбруей склонила ухо в сторону жеребца и пронзительно заржала.

- Постарайся не обольщать кобылиц, хотя, наверное, с этим ничего не поделаешь, - задумчиво добавила Вася.

«Вася...»

Девушка сузила глаза.

– Надо было оставить тебя в лесу, – сказала она. – Жди меня здесь.

Конь сверкнул глазами, но Вася уже радостно убежала: нюхать пчелиный воск, взвешивать медные чаши в руке...

И лица... столько людей, и ни одного знакомого. У девушки голова шла кругом. Вася с восхищением оглядывала пироги и кашу, ткани и кожу, попрошаек, священников и жен ремесленников. «Вот что значит странствовать», – мелькнуло у нее в голове.

Вася стояла у лотка торговца пушниной и с благоговением гладила шкурки соболей, как вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд.

Мужчина стоял на противоположной стороне площади. Он был шире и выше остальных мужчин. Его кафтан под плащом из белой волчьей шкуры сиял вышивкой. Меч с рукоятью в форме лошадиной головы был небрежно перекинут через плечо. Борода незнакомца была короткой и рыжей, как пламя. Он поймал взгляд Васи и склонил голову.

Вася нахмурилась. Что бы сделал деревенский мальчик, на которого внимательно смотрит боярин? Уж точно не покраснел бы. Даже если глаза человека были огромными, влажными и поразительно темными.

Мужчина направился к ней, и Вася увидела, что у него были слуги: крупные невозмутимые мужчины, сдерживающие толпу. Незнакомец не отрывал от нее взгляда. Вася не знала, что привлекло бы большее внимание: решение остаться или бегство. Что хотел этот человек? Она выпрямилась. Мужчина пересек площадь под шепотки толпы и остановился перед Васей у лотка торговца пушниной.

На шее Васи выступили красные пятна. Ее волосы были убраны в меховой капюшон, завязанный под подбородком. Поверх капюшона она надела шапку. Пол Васи нельзя было определить, и все же... Она сжала губы.

– Простите меня, господин, – уверенно сказала она. – Я не знаю вас.

На мгновение мужчина уставился на нее.

– Как и я тебя, – ответил он. К удивлению Васи, его голос оказался легким, очень четким и выдавал странный акцент. – Но твое лицо мне знакомо, мальчик. Как тебя зовут?

– Василий, – тут же сказала Вася. – Василий Петрович. Мне нужно вернуться к своему коню.

От его любопытного взгляда Васе стало не по себе.

– Да? – спросил мужчина. – Меня зовут Касьян Лютович. Не согласишься ли со мной трапезу, Василий?

Вася испуганно поняла, что его предложение ее заинтересовало. Она проголодалась и не могла отвести глаз от этого высокого господина, глаза которого словно смеялись.

Мысленно Вася встряхнулась. Что он сделает, если узнает, что она девушка? Обрадуется ли? Расстроится? Ей было невыносимо даже думать об этом.

– Благодарю вас, – ответила она, кланяясь, как делали крестьяне перед ее отцом. – Но я должен вернуться домой засветло.

– И где твой дом, Василий Петрович?

– Вверх по реке, – уклончиво ответила Вася. Она снова поклонилась, стараясь выглядеть услужливо. Она уже нервничала.

Внезапно взгляд темных глаз отпустил ее.

– Вверх по реке, – повторил мужчина. – Очень хорошо, мальчик. Прости меня. Похоже, я спутал тебя с другим. Господь с тобой.

Вася благочестиво перекрестилась, поклонилась и убежала. Ее сердце бешено стучало – то ли от взгляда незнакомца, то ли от его вопросов.

Она нашла недовольного Соловья там же, где и оставила. Хозяин увел кобылицу, все еще нервничающую, с высоко поднятым хвостом.

Медовый пряник (Вася купила его в чудесном лотке, полностью окутанном паром) вернул Соловью хорошее настроение. Вася взобралась на жеребца, собираясь уехать из города. Хотя рыжеволосый господин ушел, его внимательный взгляд словно висел у нее перед глазами. От шума города у ее разболелась голова.

Вася уже подъехала к воротам, как вдруг заметила ярко разрисованную арку, ведущую во внутренний двор трактира. Там стояла баня.

В тот же миг больная голова и замерзшие ноги Васи дали о себе знать. Она мечтательно уставилась на баню.

– Пойдем, – сказала она Соловью. – Я хочу помыться. Я найду тебе сена и миску каши.

Соловей любил кашу, поэтому лишь бросил на нее недовольный взгляд, когда она спрыгнула на землю. Вася уверенно вошла во двор, ведя коня за собой.

Она не заметила маленького мальчика с посиневшими губами, который отделился от тени нависающих зданий и убежал.

Из кухни вышла женщина, дородная от летнего изобилия и с редкими зубами. Ее лицо было красивым, как увядающая роза с желтеющими лепестками.

– Чего тебе, мальчик? – спросила она.

Вася облизнула губы и бойко ответила, как мальчик Василий Петрович:

– Стойло и зерно для моего коня. Мне – еду и баню. Если можно.

Женщина ждала, скрестив руки. Вася поняла, что за эти удовольствия что-то полагается, порылась в кармане и протянула хозяйке серебряник.

Глаза женщины стали круглыми, словно колеса телеги, а черты лица моментально смягчились. Вася поняла, что дала женщине слишком много, но было поздно. Двор оживился. Вася отвела Соловья в крошечную конюшню

(конюха он бы не потерпел). Жеребец разрешил привязать себя к общей коновязи, хотя и расстроился. Но Вася угостила его пряником, а сын конюха дрожащими руками бросил охапку сена.

– Мой конь должен получить миску теплой каши, – сказала Вася мальчику. – Потом оставь его одного. Он кусается.

Она уверенным шагом вышла из конюшни. Соловей услужливо отвел уши: мальчик взвизгнул и побежал за кашей.

Вася оставила свой плащ в опрятной кухне и села на скамью у печи, радуясь теплу. «Почему бы не остаться здесь на ночь... или три? – подумала она. – Я не спешу».

Еду подали не сразу: сначала щи с горячим хлебом, потом копченую рыбу с головой, кашу и пирог, а напоследок вареные яйца. Вася съела столько, что даже равнодушная хозяйка трактира прослезилась – мальчик был так голоден. Она дала Васе большую кружку горячего молока с медом, а себе налила пива.

Когда Вася, наконец, растянулась на скамье, женщина похлопала ее по плечу и сказала, что баня готова.

Баня состояла всего из двух небольших комнат с земляным полом. Вася разделась в предбаннике, зашла внутрь и жадно вдохнула тепло. В углу комнаты стояла круглая каменная печь с горящим огнем. Вася плеснула воды на камни, и клубы пара окутали комнату. Она с наслаждением легла на скамью и закрыла глаза.

Рядом с дверью послышался легкий шорох. Вася резко открыла глаза.

На пороге стояло маленькое голое существо. Его борода дрожала словно пар и обрамляла красные щеки. Он улыбнулся, и его глаза утонули в морщинах на лице.

Вася настороженно смотрела на него. Разумеется, это был банник, покровитель бань. Банники, хоть и были добрыми, могли легко разозлиться.

– Хозяин, – вежливо сказала она. – Простите меня за вторжение.

Этот банник был странного серого цвета. Его маленькое полное тело состояло скорее из дыма, чем из плоти.

«Может, в городе его не любят», – подумала Вася.

Или постоянный перезвон колоколов слишком часто напоминал людям о том, что банников быть не должно. От этой мысли Вася расстроилась.

Но банник молча смотрел на нее своими маленькими умными глазами. Вася знала, что нужно было делать. Она встала и плеснула горячей воды из ведра в печь, отломил хорошую березовую ветку и положила ее перед банником. Потом она плеснула воды на камни в бурлящей печи.

Дух бани по-прежнему молчал. Он улыбнулся, вскарабкался на другую скамью и лег, составляя ей молчаливую компанию. Облако его бороды сливалось с паром. Вася расценила его молчание как разрешение остаться. Ее отяжелевшие веки снова закрылись.

Примерно через четверть часа она уже потела, и пар начал рассеиваться. Вася собралась окатить себя холодной водой, как вдруг до нее, размякшей из-за жары, донеслось пронзительное ржание разъяренного жеребца. Затем раздался громкий удар, как будто Соловей ударился об стену конюшни. Вася ахнула и выпрямилась.

Банник нахмурился.

Скрипнула дверь, и послышался голос хозяйки трактира: «Да, мальчик на большом гнедом коне. Но зачем вам...»

После отчаянного вопля женщины наступила мертвая тишина. Банник оскалил туманные зубы. Вася резко встала и побежала к двери. Не успела она опустить засов, как в предбаннике раздались тяжелые шаги.

Голая Вася в отчаянии озиралась. Дверь была лишь одна, а окон и вовсе не было.

Дверь со скрипом распахнулась. За секунду до этого Вася перекинула волосы вперед, чтобы хоть как-то прикрыть свою наготу. Полоска бледного света ударила по ее глазам. Она замерла, потная, прикрываясь лишь волосами.

Вошедший мужчина не сразу заметил ее. На его лице мелькнуло удивление, а затем глупый восторг.

Вася, перепуганная и сгорающая от стыда, попятилась к дальней стене. Крик хозяйки трактира по-прежнему звенел у нее ушах. Снаружи снова заржал Соловей, слышались крики.

Вася отчаянно думала. Возможно, мужчина подойдет ближе, и ей удастся проскользнуть в дверь. В предбаннике послышался голос, и второй мужчина ответил на ее вопрос.

– Что ж, – начал он. Он выглядел удивленным, но не разочарованным. – Это не мальчик, а девица, если только не русалка. Проверим?

– Я первый, – возразил его спутник, не спуская глаз с Васи. – Это я ее нашел.

– Тогда поймай ее и не затягивай, – ответил второй мужчина. – Нам нужно найти мальчишку.

Вася стиснула зубы. У нее тряслись руки, а мысли из-за паники вылетели из головы.

– Иди сюда, девочка, – сказал первый, подманивая ее рукой, как собаку. – Иди сюда. Расслабься. Тебе понравится.

Вася прикинула, что если кинется на первого мужчину, он упадет в печь. Она должна была вернуться к Соловью. Волосы обнажили ее шею, и между грудей блеснул камень. Мужчина заметил его и облизнулся.

– Где ты его украла? – спросил он. – Впрочем, неважно. Я и его возьму себе. Иди ко мне.

Он шагнул вперед. Вася напряглась, готовясь к прыжку. Но она забыла о баннике.

Поток кипятка, возникший из ниоткуда, неожиданно окатил мужчину с ног до головы. Он с воплями отшатнулся, споткнулся о раскаленную докрасна печь, с громким треском ударился головой и обмяк, издавая страшное шипение.

Второй мужчина ошеломленно смотрел на него, как вдруг ему в лицо плеснула другая струя кипятка. Он завопил, попятился и выбежал из бани, погоняемый невидимой рукой с березовой веткой.

Вася выбежала в предбанник. Она натянула штаны, рубаху, сапоги и тунику, набросила на плечи плащ. Одежда прилипла к ее потной коже. В дверях стоял банник: он по-прежнему молчал, но хитро улыбался. Крики за стеной переросли в вопли ярости. На мгновение Вася остановилась и поклонилась до земли.

Существо поклонилось в ответ.

Вася выбежала на улицу. Соловей вырвался из конюшни. Трое мужчин окружили его, не осмеливаясь подойти.

– Хватайте веревку! – крикнул мужчина у ворот. – И держите крепче! Остальные идут.

Похоже, четвертый уже пытался схватить веревку, обвивающую шею Соловья. Теперь он неподвижно лежал на земле с огромной кровавой брешью в черепе.

Соловей увидел Васю и кинулся к ней. Мужчины с криками бросились врассыпную, и Вася быстро запрыгнула жеребцу на спину.

Снаружи слышались крики и топот бегущих ног. Во двор вбежали мужчины с луками в руках.

И все это из-за нее?

– Матерь Божья... – прошептала Вася.

Завывающий ветер ударил ей в лицо. Облака затянули солнце, и двор погрузился в тень.

– Беги! – крикнула Вася Соловью, когда один из мужчин поднес стрелу к тетиве.

– Стой! – закричал он. – Или умрешь!

Но Соловей уже бежал. Стрела просвистела рядом. Вася прижалась к жеребцу. Где-то мелькнула смутная мысль: «Чем я заслужила это?» Она попыталась представить, каково это – умереть с десятком стрел в груди. Соловей опустил голову, копыта царапали снег. Два прыжка, и они на улице. Там тоже были мужчины – «слишком много мужчин». Соловей застал их врасплох и проскочил сквозь толпу.

На улице сгущались сумерки. Снег летел ослепительными снежинками, скрывая жеребца с Васей из виду.

Соловей бежал, тихий и сосредоточенный, мчался, скользил с огромной скоростью по снегу и бревнам. Внезапно он пошатнулся, и Вася, ослепленная снегом, едва удержалась на его спине. Позади гремели копыта вперемешку с невнятными криками, но вскоре они остались позади. Ни один конь не мог обогнать Соловья.

Перед ними мелькнула черная фигура – нечто широкое и прочное в мире белого вихря. Вася услышала слабый крик:

– Ворота! Закройте ворота!

Размытые фигуры стражников, по двое с каждой стороны, бросились закрывать массивные двери. Проход сужался. Но Соловей успел проскочить. Вася задела ногой ворота. Теперь они были на свободе. С вершины стены до Васи донеслись крики, рядом просвистела еще одна стрела. Девушка прижалась к шее Соловья, не оглядываясь. Снег повалил еще сильнее.

Когда стрелы уже не могли достать их, ветер резко стих, а небо очистилось. Вася обернулась и увидела, что снежная буря, лиловая, как синяк, повисла над городом, позволив ей сбежать. Но надолго ли?

Зазвенели колокола. Они погонятся за ней? Вася думала о луке, о свисте стрелы рядом с ухом. Ей казалось, что они могли. Сердце девушки бешено колотилось.

– П-п-поехали, – прошептала она Соловью. Лишь тогда Вася поняла, что дрожит, что ее зубы стучат, что ее кожа мокрая, что она окоченела от холода. Она направила коня к дереву с дуплом, в котором она спрятала седло и сумы. – Нам нужно убираться отсюда.

Лиловое вечернее небо сияло над головой. Кожа Васи и волосы, заправленные в капюшон, по-прежнему были мокрыми после бани. Но она опасалась погони и погнала коня вперед. Она все еще видела стрелу, летящую в ее сторону, и мужчину, который смотрел на нее холодным, нечеловеческим взглядом.

8

Два подарка

Соловей мчался весь вечер, гораздо дольше, чем было по силам любому обычному коню. Вася даже не смотрела на него: страх с силой сжимал ее горло. Последние лиловые мазки на небе погасли, и на нетронутый снег пролился звездный свет. Жеребец по-прежнему мчался, уверенный, как ночная птица.

Они остановились, когда холодная волчья луна поднялась над верхушками черных деревьев. Вася дрожала так сильно, что с трудом держалась в седле. Наконец, Соловей замер, тяжело дыша. Вася соскользнула на землю, сняла седло, развязала свой плащ и бросила его на дымящиеся бока Соловья. Холодный ночной воздух проник под ее кафтан на овечьей шерсти и пробрался под мокрую рубаху.

– Иди, – велела Вася жеребцу. – Не вздумай стоять. Не засни на снегу. Мне нужно согреть воду.

Голова Соловья упала. Она шлепнула его рукой, которую едва чувствовала.

– Иди, я сказала! – рявкнула она. Страх и усталость придавала ей ярости.

Конь с трудом пошел, чтобы избежать судорог.

Вася дрожала, тело почти не слушалось ее. Луна немного замешкалась в небе, словно попрошайка на пороге, но уже опускалась. В тишине был слышен лишь скрип деревьев на морозе. Руки Васи окоченели, она не чувствовала кончиков пальцев. Стиснув зубы, она собрала хворост и достала кремень. Один удар, второй, судорога в руках. Она уронила один из камней в снег и с трудом согнула пальцы, чтобы поднять его.

Пламя вспыхнуло и тут же погасло.

Вася до крови искусала губы, но не чувствовала боли. Слезы застыли на ее лице, но она и их не ощущала. Еще раз. Ударить кремнем. Выждать. Аккуратно подуть на пламя онемевшими губами. На этот раз хворост разгорелся, и в ночи повеяло теплом.

Вася чуть не зарыдала от облегчения. Она внимательно следила за костром и подкидывала веток негнушными руками. Огонь разгорался. Вскоре на жарком пламени в горшочке таял снег. Вася попила сама и напоила Соловья. Глаза коня заблестели.

Хотя Вася поддерживала огонь и высушила одежду, как могла, хотя она выпила много горячей воды, она все равно не могла согреться. Сон был медленным и чутким. Каждый звук казался ей тихими шагами преследователей. Но в какой-то момент она заснула и открыла глаза на рассвете, так и не согревшись. Соловей навис над ней и принюхивался к утреннему воздуху.

«Кони, – сказал он. – Много коней скачет сюда с сильными всадниками».

У Васи болели все суставы. Она закашлялась и с трудом поднялась. На холодной коже выступил неприятный пот.

– Не может быть, – сказала она, пытаюсь храбриться. – Зачем, ну зачем им...

Она осеклась. В деревьях слышались голоса. Вася испытала страх, какой испытывает дикий зверь, на которого спустили псов. Она уже была одета и за секунду накинула сумы на спину Соловья. Жеребец бросился вперед.

Очередной долгий день, очередной долгий путь. Вася выпила немного растаявшего снега и вяло жевала замерзший хлеб. Но глотать было больно, и желудок сдавил страх. В тот день Соловей мчался еще быстрее, хотя казалось, что это было невозможно. Вася ехала как в тумане. «Снег», – думала она. Если бы только пошел снег и замел их следы.

Они остановились в кромешной тьме. В ту ночь Вася не спала. Она сжалась у крошечного костра и дрожала, дрожала, не в силах совладать с собой. Кашель обжился в ее легких. В голове звенели слова Морозко: «Хочешь умереть в одиночестве в лесной глуши?»

Она докажет, что он неправ. Нет. С этой мыслью, стучащей в голове, она погрузилась в беспокойный сон.

Ночью небо затянулось облаками, пошел долгожданный снег, тающий на ее горячей коже. Она была в безопасности. Теперь они не могли их найти.

* * *

На рассвете Вася проснулась с мучительной лихорадкой.

Соловей слегка толкнул ее и фыркнул. Когда она попыталась встать и взобраться на него, земля поплыла перед глазами.

– Не могу, – сказала она. Голова отяжелела, и Вася смотрела на свои трясущиеся руки, как на чужие. – Я не могу.

Соловей толкнул ее посильнее в грудь, и она пошатнулась. «Ты должна встать, Вася, – сказал жеребец, прижав уши. – Мы не можем оставаться здесь».

Вася смотрела на него, ничего не понимая. Зимой неподвижность равнялась смерти. Она знала это. Знала. Так почему ей было все равно? Она хотела снова лечь и заснуть. Но она уже повела себя достаточно глупо и не хотела снова рассердить Соловья.

Вася не смогла надеть седло на коня онемевшими руками, но она закинула, хоть и с трудом, на его спину седельные сумы. Заплетающимся языком она прошептала:

– Я пойду рядом. Мне слишком холодно. Я... я упаду, если сяду на тебя.

Облака сгущались, и небо потемнело. Вася упорно брела рядом с жеребцом, как во сне. Ей показалось, что она видит в подлеске свою мертвую мачеху, и страх немного встряхнул ее. Шаг. Еще один. Затем Васе стало очень жарко, и ей захотелось раздеться, но она понимала, что это ее убьет.

Она будто слышала стук копыт и крики людей вдалеке. Неужели за ними все еще гонятся? Но ей было все равно. Шаг. Еще один. Конечно, она могла прилечь... всего на минуту...

Вася с ужасом поняла, что рядом с ней кто-то идет. Рядом с ухом раздался знакомый язвительный голос:

– Что ж, ты продержалась на две недели дольше, чем я думал. Поздравляю.

Вася обернулась и увидела голубые глаза цвета бледной зимы. В голове немного прояснилось, однако губы и язык онемели.

– Ты был прав, – с горечью прошептала она. – Я умираю. Ты пришел за мной.

Морозко насмешливо фыркнул и поднял ее. Его руки обжигали жаром – не холодом – даже сквозь меха.

– Нет, – пробормотала Вася, отталкивая его. – Нет. Уходи. Я не умираю.

– Не похоже, – возразил он, но ей показалось, что его лицо смягчилось.

Вася хотела ответить, но не смогла. Мир вокруг нее полетел вниз. Бледное небо над головой тут же сменилось зелеными еловыми ветвями. Они оказались под большой елью, похожей на дерево в ее первую ночь. Пушистые ветви сплетались так густо, что на твердую, словно железо, землю опускалась лишь мельчайшая снежная пыль.

Морозко прислонил Васю к стволу дерева и начал разводить костер. Вася наблюдала за ним осоловелыми глазами.

Он разводил костер необычным образом: прижал ладонь к огромной еловой ветви, она хрустнула и упала. Морозко сильными пальцами ломал ее на кусочки, пока не собрал высокую кучу хвороста.

– Нельзя жечь костер под деревом, – мудро сказала Вася, едва шевеля онемевшими губами. – Снег над тобой растает и погасит огонь.

Морозко насмешливо посмотрел на нее, но промолчал.

Вася не видела, что он сделал – руками, глазами или как-то иначе. Но словно из ниоткуда на голой земле разгорелось пламя.

Вася встревожилась, увидев мерцающий огонь. Она знала, что тепло растопит кокон холодного безразличия. Часть ее хотела оставаться в нем. Не сражаться. Не бояться. Не чувствовать холод. Темнота медленно туманила ее взгляд, и она поняла, что засыпает...

Но Морозко навис над ней и схватил за плечи. Его руки были мягче голоса.

– Вася, – приказал он. – Посмотри на меня.

Она посмотрела, но темнота манила ее к себе.

Морозко помрачнел.

– Нет, – выдохнул он ей в ухо. – Даже не вздумай.

– Я думала, что буду странствовать одна, – пробормотала Вася. – Я думала...Почему ты здесь?

Он снова поднял ее, и Васина голова упала ему на руку. Морозко молча поднес ее ближе к огню. Его кобылица заглянула в укрытие под еловыми ветвями. За ней стоял встревоженный Соловей.

– Уходите, – приказал им Морозко.

Он снял с Васи плащ и сел рядом с ней у костра.

Вася облизнула потрескавшиеся губы, ощутив вкус крови.

– Я умираю?

– Ты так думаешь?

Она почувствовала холодную руку на шее. У нее перехватило дыхание, но он лишь потянул за цепочку и вытащил подвеску с сапфиром.

– Конечно, нет, – раздраженно ответила девушка. – Я просто очень замерзла...

– Очень хорошо, значит, не умрешь, – ответил Морозко так, словно это было очевидно. Но Васе снова показалось, что его лицо немного смягчилось.

– Как... – начала она, но осеклась, увидев, что сапфир засиял. Голубой свет зловеще мерцал на лице Морозко и вызвал жуткое воспоминание: камень горел холодом, к Васе ползла хохочущая тень. Вася отпрянула.

Морозко обнял ее крепче.

– Тише, Вася.

Его голос успокоил ее. Она никогда не слышала от него такой нежности.

– Тише, – повторил Морозко. – Я не причиню тебе вреда.

Он словно обещал. Вася посмотрела на него широко распахнутыми глазами, дрожа, и забыла о своем страхе. Сапфир начал излучать тепло – мучительное, живое тепло, и в тот миг она поняла, как сильно замерзла. Камень горел все жарче, и Вася пришлось прикусить губу, чтобы сдержать крик. Затем она резко выдохнула, и по ребрам побежал зловонный пот. Лихорадка прошла.

Морозко опустил ожерелье на ее грязную рубашу и лег с Васей на припорошенную снегом землю. Холод зимней ночи окутывал его тело, но кожа оставалась теплой. Он накрыл себя и Васю своим голубым плащом. Мех защекотал нос Васи, и она чихнула.

Ожерелье излучало тепло, которое начало обволакивать ее тело. По лицу бежал пот. В тишине Морозко поднял ее левую руку, затем правую, обводя палец за пальцем. В руках Васи вспыхнула боль, но приятная, пробивающая онемение. Покалывающие руки понемногу оживали.

- Не шевелись, - сказал Морозко, поймав ее ладони. - Тише. Тише.

Другой рукой он рисовал линии на ее носу, ушах, щеках и губах, вызывая огненную боль. Вася дрожала, но держалась. Морозко исцелял ее обморожение.

Наконец, его рука замерла. Он обнял девушку, и холодный ветер успокоил горящую кожу.

- Спи, Вася, - прошептал Морозко. - Спи. На сегодня хватит.

- Там были мужчины, - пробормотала Вася. - Они хотели...

- Здесь тебя никто не найдет, - перебил ее Морозко. - Не веришь мне?

- Верю, - вдохнула Вася. Она была на пороге сна, в тепле - и безопасности. - Это ты наслал бурю?

На его лице мелькнула тень улыбки, однако она не видела.

- Может быть. Спи.

Ее глаза закрылись, и она не слышала, как он сказал, словно самому себе:

- И забудь. Забудь. Так будет лучше.

* * *

Вася проснулась ясным утром – холодный аромат хвои, горячий запах костра и солнечные зайчики в корнях ели. Она была укутана в свой плащ и спальный мешок. Рядом с ней трещало и плясало пламя. Вася долго лежала, наслаждаясь непривычным чувством безопасности. Ей было тепло – пожалуй, впервые за многие недели, а суставы и горло перестали болеть.

Затем она вспомнила прошедшую ночь и села.

Морозко сидел, скрестив ноги, с другой стороны костра. Он вырезал ножом птицу из дерева.

Вася с трудом поднялась – бледная, слабая, опустошенная. Сколько она проспала? Огонь согревал лицо.

– Зачем вырезать из дерева, если ты можешь руками создавать чудеса из льда? – спросила она.

Морозко оторвался от работы.

– Господь с тобой, Василиса Петровна, – насмешливо сказал он. – Разве так разговаривают люди по утрам? Я вырезаю из дерева, потому что вещи, созданные трудом, реальнее вещей, созданных желанием.

Вася замерла, обдумывая его слова.

– Ты ведь спас меня, – наконец, сказала она. – Снова?

Они оба молчали.

– Да, – согласился Морозко, не отрываясь от работы.

– Почему?

Он покрутил в руках деревянную птицу.

– Почему бы и нет?

Вася смутно помнила его мягкость, свет, пламя и боль. Их взгляды встретились над мерцающим пламенем.

– Ты ведь знал? – продолжила она. – Знал. Снежная буря. Это ведь ты ее наслал. Ты все время знал? Что за мной охотились, что я заболела в пути, но ты пришел лишь на третий день, когда я едва стояла на ногах...

Морозко дождался, пока она умолкнет.

– Ты хотела свободы, – жестко ответил он. – Хотела увидеть мир. Теперь ты знаешь, что это. Теперь ты знаешь, каково умирать. Тебе нужно было узнать это.

Вася обиженно молчала.

– Но теперь ты знаешь, – заключил он, – и ты не мертва. Тебе лучше вернуться в Лесной Край. Дорога – не место для тебя.

– Нет, – возразила она. – Я не вернусь.

Морозко отложил нож в сторону и встал. Его глаза сверкнули гневом.

– Ты думаешь, я хочу все время спасать тебя от глупостей?

– Я не просила о помощи!

– Нет, – парировал он. – Ты была слишком занята – умирала!

Сонное спокойствие ее пробуждения пропало. У Васи ныло тело, и она чувствовала себя удивительно живой. Морозко смотрел на нее сияющими глазами, рассерженными и внимательными. В тот миг он выглядел таким же живым, как она.

Вася поднялась.

– Откуда мне было знать, что те люди найдут меня в городе? – спросила она, скрестив руки на груди. – Что они будут охотиться за мной? Это не моя вина.

Я собираюсь в путь.

Кудри Морозко были взъерошены, пальцы покрывала сажа и деревянная стружка. Он выглядел рассерженным.

– Люди жестоки и непостижимы, – заявил он. – Я узнал это на своем опыте, теперь об этом узнала ты. Ты повеселилась. И едва избежала смерти. Возвращайся домой, Вася.

Они оба стояли, и Вася видела его лицо без огненного мерцания между ними. В его внешности что-то изменилось – немного. Морозко изменился, и она не могла не...

– Знаешь, – пробормотала Вася почти самой себе, – ты выглядишь почти как человек, когда злишься. Я никогда не замечала этого.

Она не ожидала его реакции. Он выпрямился, похолодел и снова стал повелителем зимы.

– Я вернусь с сумерками, – сказал он, изящно поклонившись. – Костер не погаснет, если ты останешься здесь.

У Васи появилось странное чувство, будто она выгнала его. Интересно, что такого она сказала?

– Я... – начала она, но Морозко уже исчез со своей кобылицей. Вася осталась у костра, злая и немного растерянная. – Может, колокольчик? – бросила она Соловью. – Как у коней в санях, чтобы мы знали, что он идет.

Конь захрапел. «Я рад, что ты жива, Вася».

Вася снова подумала о ледяном демоне.

– Я тоже.

«Может, сделаешь кашу?» – с надеждой в голосе спросил жеребец.

* * *

Недалеко от ели – или очень далеко – белая кобылица отказалась бежать дальше.

«Я не хочу объехать весь мир, чтобы ты успокоился, – сообщила она. – Слезай, или я сама сброшу тебя».

Морозко спешил, он был не в духе. Белая кобылица опустила голову и начала искать траву под снегом.

Он пошел по промерзшей земле. Белые облака бурлили на севере и извергали вихрь снежинок.

– Она должна была уехать домой, – прорычал он в пустоту. – Она должна была утомиться своими глупостями, уехать домой, всегда носить ожерелье и порой дрожать, вспоминая ледяного демона из своей юности. Она должна была родить девочку, которая бы получила ожерелье в наследство. Она не должна была...

«Очаровать тебя, – резко закончила за него кобылица, не поднимая носа из снега. Она хлестала себя хвостом по бокам. – Не притворяйся, что это не так. Или она сделала тебя человеком настолько, что ты сам стал лицемером? »

Морозко резко остановился и посмотрел на кобылицу, сузив глаза.

«Я не слепа, – продолжила она. – И вижу дальше двуногих. Ты сделал то украшение, чтобы не угаснуть. Но все зашло слишком далеко. Оно делает тебя живым. Из-за него ты жаждешь того, чем не можешь обладать. Чувствуешь то, чего тебе не следовало понимать. Ты очарован и напуган. Лучше оставить ее с ее судьбой, но ты не можешь».

Морозко сжал губы. Деревья вздыхали над головой. Внезапно гнев покинул его.

– Я не хочу угаснуть, – нехотя признался он. – Но я не хочу жить. Как может бог смерти быть живым? – Он замолчал, и что-то переменялось в его голосе. – Я мог позволить ей погибнуть, забрать сапфир и найти другую, которая бы запомнила меня. В ее роду есть другие.

Кобылица повела ушами.

– Но я этого не сделал, – резко продолжил он. – Я не могу. Каждый раз, когда я рядом с ней, наша связь крепнет. Разве бессмертные знают, каково это – считать свои дни? Но я чувствую, как пролетают часы, когда она рядом.

Кобылица снова зарылась носом в глубокий снег. Морозко продолжал расхаживать.

«Отпусти ее, – тихо сказала кобылица. – Пусть она найдет свою судьбу. Ты не можешь любить и быть бессмертным. Не доходи до этого. Ты не человек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/arden_ketrin/devushka-v-bashne

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)